

**Уральский ордена Трудового Красного Знамени
государственный университет им. А. М. Горького**

**НАУЧНЫЕ ЧТЕНИЯ,
ПОСВЯЩЕННЫЕ СТОЛЕТИЮ
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРОФЕССОРА М. Я. СЮЗЮМОВА,
21—23 СЕНТЯБРЯ 1993 г.**

(Тезисы докладов)

**Екатеринбург
1993**

МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ МАНГУПСКОЙ БАЗИЛИКИ В ИСТОРИИ ДОРОСА - МАНГУПА - ФЕОДОРО

Мангупская базилика стала объектом археологического внимания с конца прошлого века, тем не менее задача определения её исторического места в судьбе самого Мангупа и в жизни юго-западного Крыма остается практически не раскрытой, хотя отдельные попытки выявления этого аспекта предпринимались. Более полное изучение данного вопроса стало возможным благодаря археологическому исследованию базилики, которое начато в 1967 г. и производится по настоящее время.

На основе сравнительного анализа керамического материала, фрагментов архитектурно-художественного оформления базилики, особенностей композиционного решения церковных построек базиликального комплекса, погребальных сооружений и характера самих погребений, отличий строительно-технических и так далее картина формирования христианского ансамбля Мангупской базилики представляется следующей:

- I. Храм "А" - V-VI вв.;
- II. Храм "Б" - VII в.;
- III. Крещальня "Б^I" и храм "В" - VII-IX вв.;
- IV. Крещальня "В^I" и базилика "Г" - IX-XIII вв.;
- V. Базилика "Г^I" (сокращенная в размерах) - XIII-XV вв.;
- VI. Базилика "Г²" (устроенная на территории южного нефа) - XV в.

Отмеченные этапы жизни христианского комплекса на Мангупе стали отражением тех изменений, которые пережил город в своем историческом развитии. Предлагаемая выше периодизация памятника в определенной степени подтверждается письменными источниками.

О проникновении христианства к крымским готам сохранились сведения, восходящие еще к III в., среди которых есть указания на митрополита из Готии - Феофилакта Босфоританского. По мнению В.Г.Васильевского, уже в конце IV - начале V в. крымские готы были обращены в христианство. Таким образом, можно предположить, что в V в. в Таврике сложился свой религиозный, административный и культурный центр. Вероятнее всего, им стал

Дорос — столица, упоминаемая Прокопием Кесарийским, страны Дори. Полагаем, что этот город находился на Мангупе и отсюда проводилась политика христианизации горной Таврики. С этим периодом, возможно, связана постройка храма "А".

В VII—VIII вв. в связи с появлением хазарских дружин на смену Дори приходит Готия, возникшая как церковно-политическое объединение, основной задачей которого была борьба с хазарами. Религиозное и административное значение Готии сохранялось вплоть до XIII в. Однако меняется название её центра, и на карте Таврики появляется город Мангуп, построенный на руинах Дороса. Этот период стал важным этапом в деле христианизации края, что обуславливалось постоянным проникновением в Крым орд кочевников (хазары, печенег, половцы). Вследствие этих обстоятельств значительно усиливается роль Готской епархии и её кафедрального центра, находящегося на Мангупе. За это время здесь появились ряд новых христианских сооружений — храмы "Б" и "В", строится большая базилика "Г", которая занимает ведущее место в деятельности епархии.

В XIII в. в Крыму возникает ряд независимых и свободных феодальных княжеств. В письменных источниках того времени появляется название княжества Феодоро с одноименной столицей, расположившейся на Мангупе. Мангупская базилика, хотя и сокращается в размерах (перестают функционировать боковые галереи), продолжает быть центральным храмом этого княжества, более того, в алтарной части храма появляются синтрон и горнее место — атрибуты митрополичьей кафедры.

В середине XV в. положение крымских государств резко ухудшается, реализуется угроза нападения турок. Время осады и захвата Мангупа в 1475 г. неизбежно отразилось на состоянии базилики: закрывается центральный вход, богослужение перемещается в южный неф, большая часть самого храма и территория вокруг него превращаются в кладбище. Падение Феодоро означало и гибель её религиозного центра, и, если сама епархия сохраняется до XV в., то базилика уже более не восстанавливается.

Der Begriff des Humanismus am Beispiel Petrarcas und die Frage nach seiner Anwendbarkeit auf Byzanz und kulturelle Strömungen außerhalb der italienischen Renaissance

Die deutsche Lexikographie führt das Wort "Humanismus" auf Niethammers 1808 erschienenen Buch "Der Streit des Philanthropinismus und des Humanismus" zurück. Voigts 1859 erschienenen bekanntes Werk "Die Wiederbelebung des klassischen Altertums und das erste Jahrhundert des Humanismus" setzt den Begriff als bekannt voraus und erklärt ihn nicht. Um uns die Frage zu beantworten, ob es in Byzanz einen Humanismus gegeben habe, empfiehlt es sich, zunächst von keiner trockenen lexikalischen Definition auszugehen, sondern sich den Humanismus am Beispiel Petrarcas zu verdeutlichen, den man wie keinen anderen als Humanisten bezeichnet hat. Humanismus, so läßt sich sagen, besteht bei ihm darin, sich mit einer gewissen, an der Antike geschulten Kultur so auszudrücken, wie man fühlt und denkt. Beobachtungen, Urteile und Vorurteile, die uns Petrarca anlässlich einer Frankreich- und Deutschlandreise im Sommer 1333 mitteilt, sollen neben Auszügen aus seinem Brief "an die Nachwelt" und seiner Schrift "Über seine eigene Unwissenheit und die vieler anderer" dazu dienen, die Lebensart dieses Humanisten zu umreißen.

Sodann ist beabsichtigt, die Selbstzeugnisse des Italieners durch einen byzantinischen Raster zu sehen und Petrarca mit einem gelehrten byzantinischen Mönch zu vergleichen. Z.B. soll die Frage erörtert werden, ob es in Byzanz eine Möglichkeit gegeben habe, sich der Macht des Herrschers zu entziehen, wie Petrarca das von sich behauptet, wenn er auf seine Freiheitsliebe zu sprechen kommt. Es ist merkwürdig, daß die gleichen Griechen, die im Altertum ein äußerstes Maß an politischer Freiheit erreicht hatten, ein Staatswesen trugen, das wie kein anderes das Musterbild einer Monarchie darstellt. In Byzanz gab es aber einen Bereich, in welchem der Kaiser sein Recht verloren hatte, und das ist der des Mönchtums gewesen. Zwar kann dieses nicht eben als Produkt einer freien menschlichen Entfaltung angesehen werden; das Leben der Mönche war nach strengen Regeln geordnet, doch waren es solche, in die kein Mächtiger willkürlich eingreifen konnte. Die Mönche haben nicht nur orientalische, sondern mitunter auch antike kulturelle Werte tradiert. Das läßt sich an der Durchsetzung des Bilderkults aufzeigen. In diesem hatte die sozusagen demokratische Methode, die Gottheit durch das Bild zu ehren, über die autokratische gesiegt, die Gottheit durch den Kaiser zu verehren.

Die antike Kultur ist in Byzanz allgegenwärtig, selbst noch im mönchischen Bereich. Doch ist weder die religiöse Literatur auf Grund dessen, daß wir in ihr antike Elemente finden, noch eine sich in Schmeicheleien erschöpfende panegyrische Literatur, für die das gleiche gilt, als humanistisch zu bezeichnen, da diese Literaturen im Grunde dem Leben fern stehen.

Petrarca begründet seinen Rückgang auf die Antike durch ein Unbehagen an seiner eigenen Zeit. Solches finden wir auch bei Georgios Pachymeres, der gegen Ende des 13. Jh. sein Geschichtswerk zu schreiben beginnt und sagt, er hätte nicht begonnen zu schreiben, wenn er nicht befürchten müßte, daß die Zukunft noch Schlimmeres als die Gegenwart bieten werde. Während Pachymeres seinen Staat eigentlich nur noch geistig überleben lassen will und den Glauben an dessen physische Rettung bereits verloren hat, dient Petrarca und manchem anderen Italiener nach ihm der Hinweis auf die Größe der Vergangenheit und das Elend der Gegenwart dazu, eben dieses zu überwinden. Briefe, die Maximus Planudes in den Jahren 1293 - 1295 an den jungen General Alexios Philanthropenos richtete, weisen allerdings nicht die bei Pachymeres feststellbare pessimistische Grundstimmung auf. Bei diesem

berühmten Philologen läßt sich die Widersprüchlichkeit in der Menschenbeurteilung als ein Element herausstellen, das mit Petrarca gemein hat.

Anschließend soll anhand weniger Beispiele auf einige theoretische Konvergenzen zwischen byzantinischem und italienischem Denken der Renaissance hingewiesen werden, so auf das erkenntnistheoretische Postulat der Klarheit, weiters auf Petrarcas Kritik an Aristoteles' Lehre von der Glückseligkeit, die dieser nicht mit der Unsterblichkeit verbinde, Metochites' Kritik an Aristoteles' Lehre von der Seele, über deren Sterblichkeit oder Unsterblichkeit der Stagirite keine eindeutige Entscheidung treffe, Plethons Vorwurf gegenüber Aristoteles, daß dieser die Lehre von der Unsterblichkeit der Seele für die Ethik nicht nutzbar mache, und schließlich die daran anknüpfende Entschuldigung des Aristoteles in einem "Opusculum" des Kreters bzw. Venezianers Lauro Quirini. Darüber hinaus verweise ich auf die Anstöße, die die Übersetzung von Platons "Staat" und Aristoteles' "Politik" dem politischen Denken in Italien gegeben haben. Nicht nur die Republik und die Demokratie, sondern auch der Kommunismus sind durch die Besinnung auf die Antike in Italien zum Gegenstand humanistischer Diskussion geworden.

Zum Schluß komme ich noch einmal auf die Definition des Wortes "Humanismus" zurück. Kristeller belegt "humanista" in einem Schreiben des Rektors der Universität Pisa vom Jahre 1490 und in den "Epistolae obscurorum virorum" aus den Jahren 1515 - 1517. Ferner weist er auf Leibniz, der in seiner Theodizee von Valla sagt, "il n'étoit pas moins Philosophe, qu'Humaniste". Unserem Ausdruck "Humanismus" entspricht zur Zeit der Renaissance der Ausdruck "studia humanitatis", der sich schon bei Cicero findet.

Die französischen Lexika unterscheiden zwischen dem antikebezogenen Renaissancehumanismus und dessen Traditionen einerseits und dem philosophischen Humanismus andererseits. Brunot definiert 1865 in seiner Geschichte der französischen Sprache "humanisme" und "humanitisme" als "allgemeine Wertschätzung und Liebe der Menschheit". Der so charakterisierte Humanismus hat in den Beschlüssen der französischen Nationalversammlung in den Jahren 1789 und 1792 seinen Niederschlag gefunden.

Werner Jaeger meinte zu Recht, daß der Humanismus als selbständige Nachahmung antiken Stils und antiker Gebärde von der Altertumswissenschaft abgelöst worden sei. Nach meinem Dafürhalten ist der größte Humanist deutscher Sprache Klopstock gewesen, der aus einem an der Antike und am Christentum orientierten Humanismus den Humanismus der Französischen Revolution zunächst begrüßt und seit 1792 durch diese verraten gesehen hat. Puschkin hat durch seine Strophe "Latyn' iz mody vyšla nyne"... im "Eugen Onegin" das Ende des klassischen Humanismus in der Zeit der Wende vom 18. zum 19. Jh. angedeutet.

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА В СОЦИАЛЬНЫХ ДВИЖЕНИЯХ
ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ (XIII-XV вв.)

Общеизвестен огромный вклад М.Я.Сюжмова в изучение социального развития и народных движений в Византии. Ученый и его последователи установили основные закономерности социальной борьбы поздневизантийского крестьянства. Наша же задача - показать своеобразие социально-политической активности сельского населения XIII-XV вв. в локально ограниченных её проявлениях

Прежде всего речь пойдет о восстании крестьян Вифинии 1262 г. Формы организации их сопротивления атакам правительственного войска сами по себе свидетельствуют о роли общинных начал. Сражавшимся илужинам помогали их домохозяева. Имеются также косвенные указания на социально-политическую активность жителей родопских сел и влашских катунцов в движении 1340-х годов под предводительством Момчила. При его возвышении обнаружилось влияние "первых из прочих", поддержкой которых он воспользовался. Под ними, вероятно, подразумеваются представители органов самоуправления родопских селений, откуда рекрутировался костяк повстанческого отряда.

Место сельской общины в социальных движениях поздневизантийской деревни раскрывается в многочисленных актовых сведениях о каждодневном сопротивлении крестьян натиску крупных землевладельцев и укреплению феодальных порядков. Особой остротой отличались конфликты из-за земельных наделов и угодий. Примером тому служит противостояние на протяжении всего XII в. общины хориона Приновари Лемвотисскому монастырю. Дело дошло до прямого столкновения крестьян с монахами.

Социальные выступления сельских жителей зачастую протекали под видом религиозно-еретических движений. Даже непосредственное руководство представителей господствующего класса крестьянским бунтом не могло замаскировать суть событий. В этом отношении показателен вооруженный набег крестьян-богомиллов из южно-фракийского села Буковик, совершенный в 1330 г. на соседнее с ними поместье по инициативе обделенного сородича его хозяина. Действительно богомиллов приобрели значительную

антифеодалную направленность. Равным образом проявлялись и пережитки язычества. Распространение в селах хори Молдску ру-салий способствовало росту социальной напряженности.

Иногда социальный протест рядовых обитателей поздневизантийского села против наступления феодального землевладения на их общинные права разгорался ввиду противоречий между крупными собственниками и местной государственной администрацией. Так, крестьяне хортона Хантакс дали решительный отпор организации в первой четверти XIV в. мукомольного комплекса Хиландарского монастыря, встретившего по неизвестным причинам препятствия со стороны местной администрации. Этот пример демонстрирует, сколь настоятельную борьбу вели общинники за неприкосновенность угодий. Особенно упорное сопротивление вызывало отчуждение пастбищ. Раздел угодий общины Мурмунты в конце XIII в. крупными земельными собственниками не остановил противодействия её ленов захвату их пастбища.

Открытие выступления зависимых крестьян против своих господ сочетались с пассивными формами борьбы против податного гнета и укрепления феодального землевладения. Пример коллективного неплательщика крестьянами податей и отказа от выполнения повинностей дает превращенный в поместье Ламвиотисского монастыря хортон Вари. В конце XIII в. старожилы Вари не только сами уклонялись от уплаты податей, но и запрещали это делать пришедшим с чужбины поселенцам. А в годы гражданских войн первой половины XIV в. крестьяне многих македонских и фракийских сел, стремясь избежать грабежей и взыскания непосильных поборов, покидали всем скопом родные жилища.

Словом, общинные начала получали яркое выражение в сугубо локальных движениях крестьян, когда затрагивались их коренные интересы в сфере землепользования, податного обложения и феодальной эксплуатации. Именно в них с наибольшей ясностью проявлялось значение родства, круговой поруки и взаимопомощи, сельского самоуправления, которые предопределяли силу, сплочение, организованность и уровень социального сознания односельчан.

"ТАКТИКОН" БИЗАНТИЙСКОГО КАНОНИСТА XI ВЕКА
НИКОНА ЧЕРНОГОРЦА

1. Имя византийского канониста XI в. Никона Черногорца, автора двух фундаментальных сочинений компилятивного характера, "Пандектов" и "Тактикона", незаслуженно забыто исследователями. "Тактикон" до сих пор не издан. Между тем, он является интересным источником по истории Антиохийской церкви и каноническому праву этого времени. Изучение "Тактикона" можно видеть по фотографии рукописи *Sinait. 441* (шифр РГБ греч.679).

2. "Тактикон" можно условно разделить на две части: устав Роидиева монастыря, включающий как дисциплинарный, так и литургический разделы (издан В.Н.Ванешевичем в 1917 г.), и послания Никона к различным лицам в связи с церковно-правовыми вопросами. Среди канонических проблем, которые рассматривает автор, в первую очередь, представляет интерес его крайне отрицательное отношение к харистикариату. По-видимому, именно Никон Черногорец оказал влияние на антиохийского патриарха Иоанна IV Оксилта, автора известного произведения против передачи монастырей светским людям.

3. Ряд вопросов, освещенных в "Тактиконе", связан с захватом Сирии турками и падением Антиохии в 1071 г. В этих условиях, по мнению Никона, недопустимым является оставление епископом своей кафедры. Решение Трулльского собора (канон 39) относительно переселения кипрского архиепископа во время арабского нашествия в Кизик является, как считает Никон, неприемлемым к ситуации XI в., так как турки захватили Антиохию совсем недавно. Очевидно, что автор резко осуждает переселение антиохийских патриархов в Константинополь. Однако в отношении частных лиц Никон гораздо снисходительнее: он считает возможным оправдать клириков и мирян, отрекшихся от веры и вещей "скверное" в плену, а также женщин, подвергшихся насилию со стороны мусульман.

4. Большой интерес представляет отношение Никона к вопросу о взяточничестве. В "Тактиконе" подробно рассматриваются рукоположения иереев и диаконов за деньги, посвящение еписко-

лов по протекции светских лиц и монашеский постриг за "дарн". Никон Черногорец равным образом осуждает все виды взяток. Внимание канониста к этому предмету особенно интересно в сравнении с узаконением в монастырских уставах XI-XV вв. "добровольных приношений" и "трапезикона" — платы за угощение братии при постриге.

5. Одна из центральных тем "Тактикона" — осуждение ересей. В частности, подчеркивает Никон, необходимо различать святых и еретиков, носящих одно и то же имя (например, двух Варсануфиев и двух Иоаннов). Канонист неоднократно возвращается к осуждению армян-монофиситов, а одна из глав "Тактикона" целиком посвящена армянам-халкидонятам, живущим в окрестностях Антиохии.

6. Никон Черногорец считается одним из выдающихся греческих полемистов против латинян. Последняя глава "Тактикона", отсутствующая, апрочем, в греческом списке произведения, оказала большое влияние на русских писателей, занимавшихся полемикой с католиками.

7. Для Никона очень важен вопрос о постах, главным образом, об Успенском посте, по поводу которого в его время существовали разногласия.

8. Никон необычайно критически подходит к источникам, которыми пользуется, и всегда отмечает противоречия между ними. "Тактикон" является одним из важнейших источников для истории текстов "Номоканона" Иоанна Постника, Иерусалимского и Студийского уставов. Никон четко различал автора "Номоканона XIV титулов" и Фотия.

9. "Тактикон" Никона Черногорца был хорошо известен на Руси, в Сербии и Болгарии, о чем свидетельствуют многочисленные славянские списки произведения, хранящиеся в библиотеках Москвы и Петербурга. Изучение славянской традиции произведений Никона — насущная задача современной науки.

ВИЗАНТИЙСКИЕ "БАНКИРЫ" В СВЕТЕ ПАМЯТНИКОВ НУМИЗМАТИКИ

В Византии не существовало банков, как учреждений в современном понимании этого слова, и банкиров, как представителей специальной профессии, объединенных в отдельную корпорацию. Однако обмен денег, выдача и получение кредитов и ссуд, принятие ценностей в залог под проценты – все эти и другие банковские операции широко практиковались. Функции банкиров в основном выполняли две категории торговцев – аргиропраты и трапезиты (хотя в качестве ростовщиков выступали многие богатые люди). Аргиропраты сочетали в себе обязанности ювелиров-торговцев, а также чиновников, пробирающих монеты. Трапезиты – буквально, те, которые сидели за столом и вели денежные расчеты, т.е. менялы, а также чиновники, регулирующие денежное обращение. Как аргиропратам, так и трапезитам вменялось в обязанность вести строгий учет всех совершаемых ими операций.

Источниками для изучения деятельности средневековых "банков" являются византийские законодательные акты, а также агиография, где дается характеристика "банкиров", как правило негативная. Действительно, эти мастера "взвешивания и отвешивания" зачастую получали прибыль не только от высоких процентов, но и от использования неправильных весов и гирь.

Монетные гири (как стеклянные, которые называются экзагиями, так и металлические и каменные) являются вещественными памятниками, характеризующими деятельность византийских "банкиров". С помощью таких гирь трапезиты взвешивали монеты, а также проверяли полновесность отдельных золотых монет. Трапезиты и аргиропраты должны были пользоваться для взвешивания маленькими чашечными весами-зигиями (тяжелые вещи взвешивались на рынке кампанами – весами типа безменов).

В Отделе нумизматики Эрмитажа хранится коллекция весовых знаков – экзагиев и гирек. Экзагии датируются временем не позднее VI в. На них часто помещалось изображение епарха, его имя или монограмма имени, что увеличивает значение этих весовых знаков как исторических памятников.

Металлические гирьки употреблялись в основном с УШ по ХІУ в., но встречаются единичные экземпляры, относящиеся и к более раннему времени. Они были, в отличие от стеклянных экземпляров (только круглых), самыми разнообразными по форме. Как правило, на них была выгравирована формула веса в номисмах, унциях и литрах. Размеры гирек невелики, поскольку в основе византийской весовой системы лежал римский фунт — 327,45 г. Самыми распространенными изображениями на гирях, помимо пифро-ровых обозначений веса, являются кресты и христианские монограммы, заключенные в венок. Встречаются также различные надписи, изображения арок, храмов, Христа, Богоматери, святых и ангелов. Многие гирьки отличаются изяществом исполнения, легкостью и тонкостью орнамента, т.е. являются подлинными произведениями искусства.

Весовые знаки, тесно связанные с византийской монетной системой, служат для характеристики денежного обращения; являются историческими источниками, сообщающими имена византийских епархов, помогающими разобраться в работе средневековых "банкиров", а также зачастую представляют собой произведения средневекового искусства.

В.М.Зубарь
Киев

ХЕРСОНЕССКИЕ БАЛЛИСТАРИИ

Анализ археологических и эпиграфических источников свидетельствует, что в третьей четверти III в. из Херсонеса был выведен римский гарнизон, который дислоцировался здесь со II в., и в системе его обороны произошли определенные изменения.

По Константину Багрянородному, в период правления Диоклетиана и Константина Великого костяк херсонесского гарнизона составляли баллистарии, которые содержались за счет римских субсидий. Именно эти войска участвовали в войнах Херсонеса с Восточным Римом и оказали помощь Константину в его борьбе с варварами на Дунае в 322 г. Таким образом, после вывода из Херсонеса регулярных римских войск римская администрация заменила прямую военную помощь городу субсидиями, за счет которых и содержался его гарнизон.

Сообщение о том, что Константин Великий выделил городу тысячу пайков и материалы для баллист, позволяет говорить об организации херсонесского гарнизона в это время. Херсонесский гарнизон, который содержался за счет средств, выделяемых центральной администрацией, в основном состоял из местных жителей и по своему количественному составу был близок легиону после диоклетиановского времени. Вместе с этим его организационная структура была если не тождественна, то весьма близка некоторым подразделениям специального назначения позднеримской армии, в частности легионам баллистариев, которые были связаны со стратегическими дорогами, что и нагло отражение в их названиях. Такие подразделения периодически привлекались для укрепления полевой армии, хотя и не имели статуса ее подразделений. Все легионы баллистариев, за исключением двух, в оперативном отношении были подчинены командованию полевой армии и концентрировались в восточной части империи. Как правило, на их вооружении находилось 55 баллист и 10 онатров.

Херсонесские баллистарии известны не только по рассказу Константина Багрянородного, но и по двум эпитафическим памятникам. Это позволяет с известной долей вероятности говорить о более или менее постоянном характере херсонесского гарнизона с конца III и до конца V в. Однако в *Notitia Dignitatum*, где приведены наименования всех подразделений позднеримской армии, херсонесские баллистарии не упоминаются. Скорее всего это объясняется тем, что во время написания этого памятника херсонесский гарнизон официально не входил в состав регулярной армии империи. Это позволяет заключить, что по сути дела херсонесские баллистарии были городской милицией, которая рассматривалась центральной администрацией как определенный воинский контингент, который мог периодически привлекаться для участия в боевых действиях полевой армии. Причем содержание херсонесского гарнизона на римские субсидии предполагало контроль за ним со стороны позднеримского военного командования, которое, вероятно, назначало для руководства им кадровых офицеров.

В оперативном отношении херсонесские баллистарии были подчинены военному командованию диакеза Фракия, а не дуксам пограничных провинций Мезии II или Скифии. В пользу этого коовенно свидетельствует тот факт, что все легионы баллистариев позднеримской армии, которые дислоцировались на Востоке, нахо-

дились под командованием *magister militum per Orient* или *magister militum per Thracias*.

Следовательно, после эвакуации из Херсонеса римских войск, вероятно, в третьей четверти III в. город соддержал на римские субсидии гарнизон, который в организационном отношении был близок легиону баллистариев и набирался из местных жителей. Такая практика, имевшая место по крайней мере до конца V в., свидетельствует о том, что Восточно-Римская империя придавала особое значение Херсонесу — основному опорному пункту позднеримских императоров в Северном Причерноморье. С помощью Херсонеса, который, однако, не входил в состав империи, римская администрация могла проводить свою политику не только по отношению к Боспору, но и к гетерогенному населению Таврики, часть которого была "союзниками", а несколько позднее федератами Восточно-Римской империи.

В.П.Кирилко
Симферополь

КРЕПОСТЬ ФУНА В СИСТЕМЕ УКРЕПЛЕНИЙ ГОРНОГО КРЫМА XIV-XV вв.

I. Основными видами фортификационных структур Таврики XIV-XV веков были города, укрепленные монастыри и замки. Последняя группа укреплений наиболее многочисленная — их известно около 40. Замки в горном Крыму возникают на рубеже XII-XIII вв. и существуют до турецкого завоевания Таврики в 1475 г. Занимая, как правило, относительно небольшую, с затрудненными подходами территорию, они обладали мощной фортификацией и являлись жилищем (резиденциями) светских либо церковных феодалов. Наиболее сложные крепостные структуры и подчеркнутую парадность архитектурных форм имели замки княжества Феодоро. В системе его обороны особое место принадлежит укреплению у села Фуна. Этот замок имел значение стратегически важного опорного пункта, который не только сдерживал продвижение генуэзцев в глубинные горные районы, но также служил плацдармом для отвоевания захваченных ими византийских территорий. Фуна противостояла генуэзской Лусте на протяжении нескольких десятилетий, пока последняя около 1474 г. не перешла под контроль княжества.

2. Фунский замок был возведен в конце XIV в. Выявлено два строительных периода. Определяющее значение в выборе военно-инженерного решения это первоначальной крепостной структуры имели фортификационные особенности рельефа. Укрепление было расположено на небольшой скальной возвышенности, максимально используя защитные свойства местности. С юга и юго-запада доступ на крепостную площадку преграждали обрывы и скопления огромных каменных глыб, а все остальные, более или менее при-ступные участки были закрыты стенами. Фланкирование оборонительных линий достигалось устройством всего двух башен, одна из которых могла использоваться в качестве донжона. Еще одна башня, надвратная, появилась позднее - в 20-х гг. XV в. - при усилении крепостных ворот. Внутреннее пространство замка большей частью оставалось незастроенным и имело вид укрепленного лагеря. Во второй четверти XV в. укрепление было разрушено, а в 1459 г. вновь восстановлено с существенным изменением объемно-плановой структуры. Определяющее значение в выборе военно-инженерного решения предпринятой реконструкции имели качественное изменение статуса укрепления, связанного с превращением последнего в родовой замок мангупских князей, а также организация обороны с учетом конкретного противника - генуэзской колонии. Значительное наращивание прочности фортификационных сооружений и почти двойное увеличение высоты крепостных стен, создание усложненного входа, возведение монументального, богато декорированного и отмеченного атрибутами социальной идентификации донжона, включение в оборонительную структуру храма придавало комплексу облик замка западноевропейского типа. Внутрикрепостная застройка была сплошной, за редкими исключениями, одноэтажной. Она разделялась улочками и дворами, которые служили либо коммуникационными узлами, либо открытыми хозяйственными площадками и хранилищами. Наряду с многофункциональными сооружениями выделяются кордегардия, казарма, кладовые для хранения припасов, строения, связанные с обработкой металла. Военно-инженерные и объемно-планировочные решения оборонительной структуры замка большей частью неординарны и на других укреплениях средневекового Крыма, за исключением Мангупа и Каламиты, неизвестны.

3. Основные археологические комплексы Фуны (совместные исследования с В.Л.Мыцом, 1980-1992 гг.) происходят из хорошо

датированных слоев с четкими хронологическими рамками: I459-I475 гг. Материалы раскопок охватывают все виды гончарной продукции Таврики XIV-XV вв., в частности, фунских мастеров, а также содержат многочисленные изделия керамических пентров Турции (Изник) и Испании. Находки позволяют получить представление о вооружении этого времени (наконечники копий, дротика, стрел, арбалетные болты и спусковой механизм арбалета, кольца для стрельбы из лука, обломки меча, кистени, пластины доспехов, ядра баллист), инструментарии и занятиях (наконечники лемеха и мотыг, топоры, пила, долото, ножи, шило, гребни, пряслица), быте и культурном уровне (иглы, наперстки, стила, замки, бритва, ножницы, шахматные фигурки, игральные кости, детали музыкальных инструментов, игрушки, украшения), а также других аспектов материальной культуры Фун. Основным делом обитателей замка было несение сторожевой службы. Наряду с этим получили развитие ремесла и занятия, связанные с домашним хозяйством: обработка металла, кости, дерева, сельскохозяйственных продуктов, возможно, изготовление керамики, а также земледелие, животноводство и охота. Материальная культура замка данного периода во многом имеет городской облик. Ближайшими аналогиями археологическим комплексам Фун являются находки из раскопок Адлустона и Мангуна.

А.С.Козлов
Екатеринбург

"МИЛАНСКИЙ ФАКТОР" В ПОЛИТИКЕ ФЕОДОСИЯ I

Как известно, для стабилизации положения в Восточной Римской империи в 80-е гг. IV в. Феодосий I, в целом не расставаясь с бюрократическими методами управления, вынужден был сделать определенную ставку и на верхушку самоуправляющихся городских общин (отсюда его поворот - в отличие от предшественников - к интересам "никейской партии" и решения константинопольского собора 381 г.). Известное отражение эта политика получила и в учете Феодосием I ситуации на Западе, в частности, в учете им известной самостоятельности западного епископата с его влиянием на городские общины Италии и Галлии. Здесь наиболее показательны его отношения с миланской город-

ской общиной в лице такого её представителя, как епископ Амвросий.

В лице Амвросия впервые в истории церкви представитель верхушки римской знати сменил одну из высших светских должностей на епископскую кафедру (правда, в одном из основных центров империи, в одном из ведущих её городов, с населением в 150 тыс.). Амвросий обладал безусловной опорой среди миланцев. Городской плебс поддержал его как в 385 г. (во время заседания консистория, где на епископа оказали давление), в результате чего императорский двор на пять месяцев покинул город, так и в начале 386 г. (когда епископ, вопреки эдикту о веротерпимости, вновь отказался предоставить городскую базилику для арианского богослужения). Источники содержат сведения о поддержке Амвросия миланскими куриалами. Л. Руджини показал, что в клиентеллу епископа входили многие миланские купцы, также поддерживавшие его в конфликтах с императорской властью. Он являлся и патроном епископов других северо-итальянских городов.

Хорошо известны связи Амвросия с имперской западной верхушкой. Ему протектировал и влиятельнейший префект претория Иллирика, Италии и Африки Секст Петроний Проб. Во время конфликта 386 г. епископ перетянул на свою сторону часть императорских военослужащих (готов).

Фактический контроль Амвросия над ситуацией в одном из важнейших регионов империи выразился и в большой осторожности в отношениях с ним узурпатора Максима. После гибели последнего Валентиниан II, по настоянию Феодосия I, признал Амвросия *patrono* -ом и *tutor* -ом, хотя на политическое первенство во влиянии на императора тогда претендовал Арбогаст. Персидские послы в конце 80-х гг. посетили епископа в Милане, а его покровителя, Петрония Проба, в Риме.

Ф. Колль справедливо полагает, что с конца 80-х гг. Феодосий I до самой своей смерти не считал свои позиции на Западе прочными и вынужден был опираться на авторитет Амвросия.

Миланское покаяние Феодосия I (390 г.) - одна из корректив императорской политики в отношении городских общин и на Западе, и на Востоке (ибо здесь была прямая связь с кровавыми событиями в Фессалонике), тем более что вопроса о приоритете церкви вообще (по отношению к светской власти) здесь практически не было: Амвросий отстаивал первенство епископов лишь в церковно-политической и религиозной сферах.

ЗОЛОТАЯ ОРДА И РУСЬ В XIV-XV вв.
К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР

В современной историографии анализ процессов взаимодействия русской и золотоордынской культур не занимает сколько-нибудь заметного места. Это тем более парадоксально, что активное исследование городов Золотой Орды привело к ускорению темпов изучения их русского компонента, рассматриваемого, впрочем, вне контекста "диалога" (Рысаков, 1948; Полубояринова, 1978). Не попавшие в сводки "Судно золотое Мамай", трофей Куликова поля, вызвавший целую цепь подражаний (Забелин, 1897) и серебряный ковш XIV в. золотоордынского происхождения с именем Дмитрия Кривошеина (Николаева, 1976) показывают, что фонд источников еще далеко не исчерпан. Мы едва ли вправе слишком буквально отнестись к идее Ч.Дж.Гальперина (Charles J. Halperin, 1985) о том, что в "завоеванных обществах" (Conquest societies) религиозная нетерпимость неизбежна. Её преодолению и весьма успешно помогают структуры обыденной повседневности. Путь к процессу культурной интерференции позволяет проследить анализ восточных (золотоордынских) элементов декора нескольких групп памятников прикладного искусства и ремесла монастырских и светских мастерских Москвы, Твери и Новгорода. С середины XIV в. художественные достижения городского ордынского (в том числе крымского) серебра (Крамаровский, 1985) получают распространение в Москве, о чем свидетельствует "цитатный" характер заимствований в орнаментике золотого оклада иконы "Богородицы Млекопитательницы" Новодевичьего монастыря (Мартынова, 1984). Здесь на полях оклада узор составлен из многократно оттиснутого слова "Аллах", написанного почерком "наск"; этот узор соседствует в разных частях оклада с узором из лотосов. Заимствования, но в более произвольной редакции, можно видеть в орнаментальных маргиналиях панатий Желтикова и Кирилло-Белозерского монастырей (Рындина, 1979). Характерная для ряда ордынских украшений полупальметта вычеканена и на золотой вставной пластинке выносного креста 2-ой половины XIV в. из Новгорода (Бочаров, 1969, рис.28). Нет оснований сомневаться, что пото-

ком "восточных заимствований" мастеров городских центров Руси обязаны не "ордынскому транзиту", а ремеслу ордынских городов. Дифференциация "потока" позволяет разделить его на разные линии на "суражскую", где после 1356 г. доминировала Каффа (Сыроежковский, 1935; Хачикян, 1982), и "сарайскую", где с середины 20-х гг. XIV в. получает развитие второй столичный ремесленный центр — Сарай Новый. К Сараю ал-Махруса, видимо, следует отнести прототипы, вызвавшие новгородские подражания конца XIII в. ордынским пластинчатым браслетам (Седова, 1981, рис. 41, 9-12) и серии костяных накладок с изображением дракона (Колчин, Янин, Ямшиков, 1985, № 155-157). С этим же городом, где в 1261 г. основана епархиальная кафедра, видимо, связано происхождение группы пластин (дробниц), входящей в декоративную систему саккоса первого общерусского митрополита Алексия. Серебряные с позолотой дробницы квадрифолийной формы заполнены тисненными изображениями птиц (из породы утиных) в полете. Композиция из четырех, обращенных к центру круга птиц, находит аналогию в буддийской живописи Турфана и не имеет опоры в русской художественной традиции. В основу решения положен принцип сегнерова колеса — длинные шеи птиц переплетены в вихревой розетке — деталь, характерная для широкого круга памятников Ближнего и Среднего Востока XIII в. Сочетание западной формы пластинок, ближневосточной стилизации и характерного для кочевнического серебра XIII в. исполнения позволяет предложить ордынскую атрибуцию дробниц с датой до 1357 г. Группа языческих по духу украшений в убранстве саккоса общерусского митрополита — случай беспрецедентный для художественной культуры XIV в.: маятник русско-ордынской культурной парадигмы качнулся в сторону компромисса, освященного авторитетом верховного иерарха. Житие Алексия 1486 г., переписанное в период угасания Орды, предложило кардинально иную ред. линию: хан-мусульманин (Бардибек) на коленях встречает главу русской церкви (см. клеймо № 6 иконы Дионисия "Алексий митрополит, с житием"; Антонова, Мнава, 1963, № 279).

В последней трети XIV в. в Москву приходит новый "спиральный" стиль филигрань (скани). Этот стиль зародился около середины XIII в. под влиянием мастерской Гийома Буше в Каракоруме (Маршак, 1982; 1989). Не ранее 2-ой половины XIII в. спиральная филигрань фиксируется в христианской Сирии (Тирский ларец);

во 2-ой половине XIV в. — в Византии (крест-реликварий кардинала Виссарлона). Китайские аналогии спиральной скани представлены двумя находками: из пров. Хунань (без даты — Singer, 1972) и уезда Линьли, датированной 1304 г. (Hunan Archaeology, № 2, 1984). Новыми атрибутами выделена группа филигранных 2-ой половины XIV в., связанных с мамлюкской Сирией (Jenkins, 1983, 1985). Следует согласиться с предложением Дженкинса рассматривать мамлюкскую группу филигранных источников для более поздней берберской в Северной Африке, но нельзя, минуя Орду, принять эту гипотезу для московской. Тем более, что с территории Золотой Орды происходит несколько десятков украшений, часть которых создана ордынскими ювелирами. В поисках объяснения генезиса московской скани (оклад иконы Владимирской Богоматери, оклад Евангелия Морозова и др.) путь простых альтернатив (Византия — Мамлюки — Орда) неприемлем, как неприемлема "патристическая" приписка "шапки Мономаха" к мастерской московского митрополита Фотия (Бочаров, 1992). "Шапка" датирована мной началом XIV в. и отнесена к Орде (Крамаровский, 1982, 1989); розетки на зерни в глазках спиралей сближают филигрань "шапки" с филигранями китайских находок и пекторали шахрисябзского клада, и уже одно это не позволяет отнести её к XV в. или даже к концу XIV в. Но этого же признака нет в группе сиро-египетских памятников. К развитому XIV в. относятся сканные украшения симферопольского клада 1967 г. (Малым, 1980). Скань золотого футляра для мусульманских молитв из этого клада, не имеющая аналогий на Ближнем Востоке, по стилистике декора и характеру узоров, свободных от заполнения мелкими спиральями, по тем же признакам оказывается наиболее близкой к декору и характеру узоров филигранных христианских окладов Москвы.

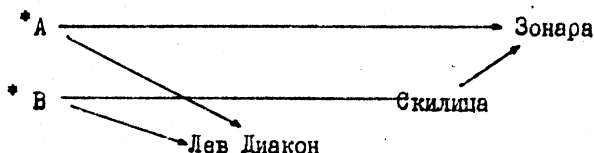
Итак, давний тезис о том, что московского ремесла XV—XVI вв. ордынские аналогии "... ровню ничего не объясняют в генезисе ... стиля ювелирных изделий" (Якобсон, 1971), безоснователен и вводит в заблуждение исследователей-славистов.

Вопрос о русско-ордынском культурном взаимодействии еще только ставится. Решить его можно с учетом традиций, которые в результате отбора вошли в наследие участников диалога — Золотой Орды и Древней Руси. Это и обуславливает необходимость привлечения обширного круга памятников от Византии и европейского Запада до исламских центров Ближнего Востока и Китая.

ЛЕВ ДИАКОН, СКИЛИЦА, ПСЕЛЛ И ЗОНАРА О НИКИФОРЕ I
(В развитие одной из идей М.Я.Сюзьмова)

1) В одном из первых своих научных исследований, опубликованном в 1916 г. и посвященном источникам Льва Диакона и Скилицы, молодой М.Я.Сюзьмов утверждал, что хроника Скилицы (в части, касающейся Никифора I и близлежащего времени) восходит к двум недошедшим до нас произведениям (*А и *В), из которых первое написано было с позиций, враждебных императору, второе — дружественных. При этом, согласно М.Я.Сюзьмову, *В отразилось также в "Истории" Льва Диакона, а *А — в "Хронике" Зонары. Еще раньше Ф.Гирш обнаружил зависимость соответствующей части "Хроники" Зонары от сочинения Скилицы.

В результате соотношение упомянутых текстов оказалось возможным представить в следующем виде:



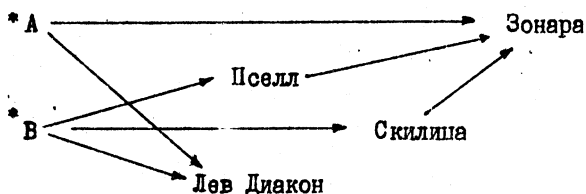
Заключения М.Я.Сюзьмова были признаны такими авторитетами, как Ф.Дэльгер, Д.Моравчик и А.Каждан, хотя сам М.Я.Сюзьмов в своем последнем исследовании (статье к изданию русского перевода Льва Диакона) не повторяет собственных выводов и, напротив, весьма осторожно говорит о причинах сходства текстов Льва Диакона и Скилицы.

2) Анализ опубликованной недавно "Краткой истории" Михаила Пселла добавляет существенную деталь к картине взаимоотношения текстов. Еще Ф.Гирш заметил, что ряд эпизодов, содержащихся в "Хронике" Зонары, не находят соответствия в произведении Скилицы и, видимо, происходит из какого-то оставшегося тогда неизвестным источника. Теперь однако стало очевидным, что все эти эпизоды содержатся в "Краткой истории" Михаила Пселла. Лексический же анализ позволяет предположить их прямое заимствование Зонарой.

3) Сопоставление композиции и лексического состава соот-

ветствующих частей текстов Льва Диакона, Скилипы и Пселла дает основание заключить о существовании некоего общего источника для всех трех упомянутых писателей. Естественно предположение, что этим общим источником как раз и было постулированное М.Я.Сюзмовым сочинение *В, автор которого относился благожелательно к императору Никифору.

С приведенными выше уточнениями схема соотношения текстов должна теперь приобрести следующий вид:



С.Н.Малахов
Петропавловск-Камчатский

ПРОБЛЕМА ОТНОШЕНИЙ "ЦАРСТВА" И "СВЯЩЕНСТВА" В ПИСЬМАХ ПАТРИАРХА НИКОЛАЯ МИСТИКА

Проблема взаимоотношений государства и церкви всегда была фундаментальным вопросом византийской истории. Сферы деятельности двух властей не были разграничены и строго зафиксированы в легислативных документах. Отсутствие четкой правовой регламентации в отношениях между императором и патриархом порождало взаимные претензии "царства" и "священства", заметно усилившиеся со второй половины Iа в. Согласно учению патриарха Фотия, империя являлась церковно-государственным "телом" с двумя главами – вселенским патриархом и вселенским царем. Взаимоотношения царства и священства должны были строиться на принципе "симфонии", призванном обеспечить глубокий мир, единомыслие и согласие как между тронem и алтарем, так и всеми подданными. Идея соперничества между двумя властными институтами не допускалась, и речь могла идти только о союзном взаимодействии одной власти с другой.

Письма константинопольского патриарха Николая Мистика (901-907, 912-925) позволяют проследить отношение к проблеме царства и священства со стороны видного представителя интел-

лектуальной и церковной элиты Византии первой четверти X в., принимавшего непосредственное участие в церковно-политической борьбе вокруг тетрагамии — четвертого брака императора Льва VI Мудрого.

Незаконный брак, вызвавший раскол в церкви, в целом не изменил отношения патриарха к институту императорской власти как сакральному феномену. Однако, исходя из принципа разделения властей, Николай все же считал, что василевс распоряжается только телами своих подданных и не имеет власти над душами. Епископы и другие иерархи церкви являются судьями светских правителей, и пастыри имеют право "свободно" поучать и наставлять архонтов, в том числе и императора. Антиканоический брак, а также то, что Лев произнес молитву и сам возложил венец на голову невесты Зои, было воспринято клиром как прямое посягательство императора на права архиерея. Паритет двух властей оказался окончательно нарушен насильственным смещением и ссылкой патриарха. Соглашаясь, что император является "одушевленным законом", Мистик вместе с тем настаивает на его обязанности неукоснительно соблюдать уже существующие законы. Действия Льва в письмах квалифицируются как тирания, нарушение "справедливости" — главного понятия в этическом каноне императора. В нарушение царственных добродетелей василевс не имеет права отращать своих подчиненных от благочестия, напротив, должен во всем подавать нравственный пример, содействовать "общему благу". Как патриарх, Николай Мистик сохраняет за собой право "попечительствовать" василевсу по правилам "икономии", но не признает открытого сопротивления тирану. Подчиненный может только противостоять указам, принимающим "достоинство царского правления", но не самому императору. "Неправедный" царь заслуживает осуждения, но ему можно противостоять только методами пассивного сопротивления.

Высказывания Мистика о тиранической власти ещё раз свидетельствуют, что идея тираноборчества фактически отсутствовала в политической мысли Византии. Патриарх требует от императора соблюдать церковные каноны на том основании, что василевс изначально по своему статусу призван быть хранителем законов. Вряд ли в этом следует видеть доказательство того, что Мистик придерживался политической доктрины, пропагандирующей ограничение императорской власти и складывавшейся в орде провинци-

альной военной аристократии. Патриарх не выставляет каких-либо социальных или политических требований к светской власти и нарушение царственного этиоса усматривает только в "нечестивом" поведении императора.

Эпистолярные рассуждения Николая Мистика о соотношении функций двух властей ведутся в традиционном русле византийской "симфонии", не подтверждают практику цезарепапизма в политической жизни империи и, кроме того, далеки от притязаний на "восточное" папство. В то же время процесс дальнейшего осмысления характера взаимоотношений царства и священства, в который было втянуто византийское общество спорами о тетрагемии, выход из внутрицерковного раскола и разногласий с Римом в 920-923 гг. привел к укреплению принципов параллелизма патриаршей и императорской властей в политической практике средневизантийского периода.

И.П.Медведев
С.-Петербург

ЦЕНЗУРА В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ (по данным законодательства)

1. Известно, что цензура как система государственного контроля над содержанием письменных (впрочем и устных) сочинений с целью недопущения распространения идей, противоречащих господствующей в обществе идеологии - изобретение отнюдь не нового времени. Еще в древности государственной властью использовались репрессивные меры против такого рода произведений, устных выступлений и их авторов. Особенно усилились в Риме преследования в период гонений на христиан: указом Диоклетиана (303 г.) все христианские тексты (и прежде всего Евангелия) объявлялись запрещенными и подлежали сожжению, а лица, их хранящие, наказывались лишением гражданских прав, если принадлежали к классу *honestiores*, или свободны, если относились к *humiliores* (известно, что именно за хранение "запретных писаний, т.е. Евангелия, были подвергнуты наказанию свв. Эвлл, Ирина, епископ Кирены Феодор).

2. С наступлением эпохи христианства как государственной религии функции цензуры выполняются как органами церковной

власти в лице соборов, так и органами государственной власти. Со времени первых вселенских соборов начинается сожжение еретических книг (например, сожжение арианских книг императором Константином по постановлению Никейского собора 325 г. и несторианских книг по постановлению Эфесского собора 431 г.). С начала V в. имперское законодательство изобилует распоряжениями с запретом распространения еретических сочинений и с предписанием предавать их сожжению, а лиц, тайно их хранящих, наказывать смертью. Наиболее развернуто эти репрессивные меры сформулированы в законе императоров Феодосия и Валентиниана от 448 г. (С. I. I. 3.3): "Повелеваем, — говорится в нем, — чтобы все, что сочинил одержимый собственным безумием Порфирий или кто-либо другой против благочестивой христианской веры, будучи кем бы то ни было найденным, предавалось огню. Ибо мы не желаем, чтобы все возбуждающие божий гнев и раздражающие души сочинения доходили до слуха людей. Еще повелеваем, чтобы усердствующие в нечестивой несторианской вере или следующие его преступному учению, если это епископы или клирики, отлучались от святых церквей, если же миряне, — подвергались анафеме; чтобы обличенные (для этого) властью лица православного вероисповедания, следуя нашим благочестивым законам, без страха и ущерба конфисковали их и подвергали экспертизе. А поскольку до наших благочестивых ушей дошло, что некоторые лица сочинили и изложили некие учения, сомнительные и не во всем согласные с православной верой, изложенной святыми отцами, собравшимися в Никее и в Эфесе, а также блаженной памяти епископом великого города Александрии Кириллом, то повелеваем, чтобы такого рода сочинения, появившиеся или раньше, или теперь (особенно сочинения Нестория), сжигались и предавались полному уничтожению с тем, чтобы никто не смог с ними познакомиться. Лица, отваживающиеся хранить и читать такого рода сочинения или книги, подлежат высшей мере наказания. Впредь никому не разрешается говорить или проповедовать что-либо, вопреки вере, изложенной, как мы уже говорили, в Никее и в Эфесе".

3. Значительный интерес для нашей темы представляет и 9-й канон VII Вселенского собора (787 г.), в котором говорится о том, что таковы, воспевающие "всяческие ребяческие забавы и безумные вакхические действия", а также "лжесочинения, направ-

ленные против святых икон, должны препровождаться в епископство Константинополя (т.е., по-видимому, в канцелярию Константинопольского патриархата – И.М.), с тем, чтобы они были отложены (*iva katefthai*) вместе с прочими еретическими книгами; если же обнаружится, что кто-то укрывает их, то если это епископ, пресвитер или дьякон, – пусть будет лишен сана, если же мирянин или монах, – пусть будет отлучен от церкви".

4. Интерес представляет именно распоряжение от "отложения" иконоборческих текстов. Спрашивается, с какой целью? С целью ли последующего уничтожения, или же с целью их содержания в некоем "тайном архиве" в недрах патриархата? То, что большая часть книг иконоборческого содержания подлежала уничтожению, представляется несомненным. Но не исключается и обоснованность высказанной греческим историком Сп.Трояносом догадки о существовании в патриархате "тайного архива" – некоего прообраза отой знакомого всем нам и зловещего "спецхрана".

5. Не думаю, что Византия может рассматриваться в качестве тоталитарного государства; скорее она была авторитарным государством, так же, как институт цензуры был одним из характернейших институтов авторитарного государства.

И.П.Медведев

С.-Петербург

НЕИЗВЕСТНАЯ РАБОТА М.Я.СЮЗУМОВА

I. В так называемом "издательском фонде" Архива СПб Филиала Института российской истории РАН хранится неизвестное и неизданное, если не ошибаюсь, сочинение М.Я.Сюзумова (ф.276, оп.2, ед.хр.66), в машинописи (3-й или 4-й экземпляр под копирку), объемом в II листов (или 22 страницы, так как текст напечатан с обеих сторон листа), с рукописными вставками автора. Заглавие написано чернилами рукой автора: "М.Сюзумов. Из истории итальяно-германских отношений в средние века".

II. Работа делится на следующие разделы: I) Итальянские походы германских рыцарей в Средние века. 2) Норманское королевство в Сицилии и на юге Италии. 3) Внешняя политика норманской Сицилии и борьба против феодальной знати. 4) Подготовка

унии Сицилии и Германии. 5) Германо-сицилийская уния. 6) Сицилийское королевство в руках немецких рыцарей. 7) Италия и Сицилия при Иннокентии III.

III. Работа не датирована, но ясно, что она писалась во время войны, судя по преамбуле, где говорится об агрессивных планах фашистской Италии, которая "пошла по пути тесного союза с фашистской Германией". "Союз наиболее реакционных и наиболее агрессивных государств Европы, — пишет далее М.Я.Сюзюмов, — "Ось Берлин-Рим", в настоящее время (подчеркнуто нами — И.М.) заливает потоками крови весь мир, попирает независимость целого ряда наций, сама же Италия превращается в порабощенное Германией вассальное государство". В этом отношении автор считает поучительным "обратиться к истории". По его мнению, "В средние века тоже существовала в некотором роде подобная ось "Берлин — Рим", хотя сам Рим в эту ось и не входил, а Берлин еще находился во мраке неизвестности. Однако союз Италия — Германия, притом союз ярко агрессивный и несомненно реакционный, существовал в конце XII и в начале XIII века в форме *Unio regni ad Imperium*, т.е. династической унии Сицилийского королевства с германской так называемой "Первой Империей". Интересно в свете переживаемых событий проследить, что дала Италия и чем закончилась средневековая ось "Рим — Берлин".

IV. Работа носит ярко выраженный популярно-публицистический характер и вряд ли имеет какое-то научное значение. Тем не менее, свойственная автору темпераментная и парадоксальная манера подачи материала делает и это сочинение весьма интересным.

О.И.Нуждин
В.Катеринбург

ДОГОВОР МЕЖДУ ИОАННОМ КАНТАКУЗИНОМ И СТЕФАНОМ ДУШАНОМ ОТ 1342 г.

Сведения с переговоров и условиях соглашения между Кантакузином и Душаном содержатся в двух основных источниках — исторических сочинениях Никифора Григоры и Иоанна Кантакузина. Григора сообщает о следующих условиях достигнутого соглашения:

1. Между королем и императором заключается мир и союз;
2. Душан оказывает Кантакузину помощь в войне против Анны Савойской и Алексея Апокавка;

3. Обе договаривающиеся стороны получают полную свободу рук в своих завоевательных планах и не должны мешать друг другу в приобретении городов и земель на территории Византийской империи.

В передаче самого Кантакузина условия были иными:

1. Между королем и императором заключается мир и союз;
2. Душан оказывает Кантакузину помощь в войне против Анны Савойской и Алексея Апокавка;

3. Помощь оказывается на условиях дружбы, и король не имеет права захватывать византийские города; в случае, если какой-либо город перейдет на его сторону, он обязан вернуть город Кантакузину без вознаграждения;

4. Король останется врагом Анны Савойской и её сына Иоанна и никогда не вступит с ними в переговоры;

5. Кантакузин, в свою очередь, обязался соблюдать неприкосновенность сербских завоеваний, сделанных до 1342 г.;

6. Он обещал оказать помощь королю в случае нападения на него одного из его северных соседей;

7. Кантакузин отказывался от сюзеренитета над владениями Хрели;

8. Сын императора оставался в Сербии в качестве заложника.

Сообщение Кантакузина отличается большей детальностью в изложении хода переговоров и принятых обеими сторонами условий. Но пункт 3 всегда вызывал заслуженные сомнения у исследователей. Они отдавали предпочтение версии Григоры на этот счет. Тем не менее вопрос о территориальных уступках Кантакузина Душану остается открытым.

Если сравнить версии Григоры и Кантакузина с последующими событиями, прежде всего событиями весны-лета 1343 г., лета-осени 1345 г. и осени-зимы 1350 г., можно сделать следующие выводы:

- разрыва отношений между Кантакузином и Душаном в 1343 г., как было принято считать до сих пор, не было; договор 1342 г. в основном сохранял свою силу до осени 1345 г., до захвата Душаном г.Серри;

- анализ переговоров между Душаном и Кантакузином в пери-

од с 1345 по 1347 гг. и условий договора между ними, заключенного в 1350 г., позволяет в общих чертах реконструировать масштабы уступок Кантакузина по территориальным вопросам;

– договор 1350 г. в основном подтверждал условия соглашения 1342 г. в несколько видоизмененном виде.

Размеры территориальных уступок Кантакузина по договору 1342 г. можно определить следующим образом: Душану отходили владения Хрели, Албания, часть Македонии с городами Зихна и Веррия. В 1350 г. договор 1342 г. был восстановлен с незначительными изменениями, а именно: король уступал города Веррию и Эдессу, взамен чего получал Серры. Итог переговоров выглядел следующим образом: Кантакузин получал Акарнанию, Фессалию, Южную и Восточную Македонию. Граница Византийской империи проходила по линии Филиппы – Серры – Гинекокастрон – Эдесса – Веррия – Сербия. Области к северу и западу отходили к Душану.

М.А.Поляковская
Екатеринбург

АБСОЛЮТИЗМ И ПРОБЛЕМА "СОЦИАЛЬНЫХ КАЧЕЛ" (Византия и Западная Европа)

М.Я.Сюзюмов заметил в статье "Историческая роль Византии и её место во всемирной истории", что Византийская империя была для средневекового Запада "образцом абсолютистского государства" (ВВ. 1968, Т.29. С.32). Ученый выводил византийскую государственность из римских начал (ВВ. 1973, Т.35. С.9).

Абсолютная монархия как форма государственного правления может возникнуть в переходные периоды – либо с античности к средневековью, либо от средневековья к новому времени. Политическим атрибутом этой формы государственности является полнота (абсолютность) власти монарха. Одним из социальных условий возникновения абсолютной монархии часто называют так называемое "социальное равновесие". Поскольку в исторической науке проблема абсолютной монархии рассматривается преимущественно на материалах позднего средневековья, посмотрим, насколько возможен был для позднесредневековой Европы вариант "социальных качел".

Единственной страной, где феномен социального равновесия - между дворянством и молодой буржуазией - очевиден, была Франция. К Англии эта характеристика может быть отнесена лишь условно, так как междоусобье, известное под названием войны Алой и Белой роз, и проводимые с конца XV в. эвизии создали благоприятные условия для политической самореализации буржуазии, что и породило тот тип абсолютизма, при котором сохраняется парламент и местное самоуправление. В Испании конкистадорский дух дворянства, закрепленный реконкистой и колонизаторской политикой в новых землях, увел страну в сторону от промышленного подъема и, следовательно, не способствовал созданию сил, могущих противостоять старому дворянству. В странах Центральной и Южной Европы - Германии и Италии - в силу исторических условий мог возникнуть лишь тип региональной абсолютистской власти. Таким образом, европейские страны позднего средневековья не повторили французского варианта "социальных качелей".

Предшественницей Франции в этом смысле была Византия, хотя социальное наполнение этого феномена было иным. Возможность альтернативы исторического развития империи ("венецианский" или "каролингский" путь) привела к формированию двух группировок - столичной и провинциальной знати, что создало ситуацию "качелей". М.А.Сюжмов полагал, что борьба этих группировок обеспечивала в течение нескольких веков сохранение централизованного бюрократического государства и авторитарной монархии (В.О. 1961. С.47).

Итак, социальное равновесие как один из факторов, сопутствующий абсолютизации власти монарха, представляет собой редкое явление в историческом развитии и возможно лишь в переходные периоды и лишь в крупных централизованных государствах, где монарх может институировать старое в рамках нового.

Византийский император, опираясь на разработанную систему кодифицированного права, допускал новое только в той дозе, которая не меняла существующих структур государства. Т.о. происходило санкционированное монархом воспроизводство старого в лице столичной бюрократической знати. Во Франции король мог своей властью адаптировать элементы отживающей системы в лице старой придворной аристократии к изменившимся социальным условиям.

Т.о., феномен "социальных качелей" является скорее не причиной, как принято считать, а результатом наличия абсолютной власти монарха. Возникнув, это явление способствует утверждению авторитета власти монарха, а он, в свою очередь, стремится воспроизводить это состояние. Для Франции стремление сохранить старую аристократию как противовес новой элите закончилось взрывом 1789 г. Византийская империя иссякла в многовековой борьбе двух группировок знати и позволила внешним силам ввергнуть её в состояние политической раздробленности. Поддерживаемое в рамках абсолютной монархии "социальное равновесие" со временем становится анахронизмом и приводит к катастрофическим последствиям большего или меньшего масштаба.

А.И.Романчук
Екатеринбург

К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫХ ВОЗМОЖНОСТЯХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

В своих студиях по истории византийского города М.Я.Сюзюмов отметил значение данных археологических раскопок, особенно для ранневизантийского периода. Доказывая тезис о том, что "византийский город вошел в средневековье в готовом виде", Михаил Яковлевич, наряду с письменными источниками, привлекал и данные археологии. Отдельные результаты археологических раскопок используются и другими исследователями, - в основном постулирующими малочисленность археологических данных, - что служит, как правило, для иллюстрации тезиса "упадка города", дезурбанизации в Византии.

Таким образом, обращение к материалам археологических раскопок служит для подтверждения диаметрально противоположных концепций. Отсюда возникают вопросы: насколько широки возможности интерпретации археологических источников; насколько достоверны данные этих источников; могут ли они освещать ход событий или являются отражением только некоторых результатов событий. Как правило, большая часть византинистов, в основном работающих с письменными источниками, не обращается к рассмотрению таких вопросов.

Ответ на них до некоторой степени дает теория культурного

слоя, разработанная для античной археологии В.Д.Блаватским. Исследователь отметил три основные причины образования культурного слоя (строительство каких-либо сооружений, их функционирование и гибель), подчеркнув, что археологи в поселенческих структурах с каменной архитектурой, характерной для античного города (как и для византийского), прежде всего фиксируют слой строительства и разрушения, а наибольшее количество массового материала получают именно из слоев разрушения. Выгоды В.Д.Блаватского применимы и для византийской археологии.

Многолетние раскопки в Херсонесе показали, что период "нормальной жизнедеятельности" отражается в перестройках и перепланировках зданий, невыразительным следом ее являются различные хозяйственные ямы с разрозненным, фрагментарным материалом, имеющим широкий разброс в датах.

Наибольшее значение для анализа материальной культуры имеют слои разрушения, являющиеся моментальным срезом жизни и характеризующие некоторый период ее перед катастрофой, приведшей к гибели комплекса. В то же время следует учитывать, что само образование слоя разрушения связано с экстраординарными событиями (пожары, землетрясения, военные захваты) и поэтому данные слои, особенно с хронологически близким материалом, не могут служить показателям "процветания" поселенческой структуры, на которой они выявлены.

На Херсонесском городище для поздневизантийского периода практически повсеместно обнаружены два слоя разрушения, представляющие значительный интерес для изучения городокой культуры. Находки в слоях пожара позволяют судить о достаточно высоком уровне развития местного ремесла, наличии торговых связей с другими центрами. В то же время эти слои - свидетельство трудностей, пережитых горожанами.

Для ранне- и средневизантийского периода хорошо сохранившиеся, не потревоженные слои (из-за более поздних перестроек) более редкое явление. В портовом районе, где работает экспедиция Уральского университета, открыты слои строительства и разрушения, которые можно датировать VI в., началом VII в., концом VIII - началом IX в., первой половиной XI в. В сочетании с материалами письменных источников они являются свидетельством сохранения Херсоном некоторых функций, присущих городскому поселению. Следует также отметить, что преобладающее количество

монет также происходит из слоев разрушения. Для ранневизантийского времени это совокупные массовые монеты Юстиниана I и единичные более позднего времени, поэтому при изучении денежного обращения распределение нумизматических находок по годам их выпуска, без учета условий обнаружения является неэффективным. Археологический источник, как и сведения письменных, в процессе его использования для построения гипотез должен подвергаться критическому анализу, и большое значение при этом имеет выявление особенностей формирования культурного слоя.

В.А.Сметанин
Екатеринбург

АПОГЕЙ РОМЕЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОБ ИКУМЕНЕ
И ПЕРЕСМОТР ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ
РВАЛЬНОЙ ЗНАЧИМОСТИ ЭТОЙ СИСТЕМЫ ВЗГЛЯДОВ

I. О б у с л о в и я х п о я в л е н и я и с т о ч -
н и к а и е г о д а т и р о в к е. Предельное развитие византийских представлений о цивилизованном мире отражено в послании константинопольского патриарха Антония IV великому князю Московскому и всея Руси Василию I Дмитриевичу. Апокрисиарий Димитрий Афинянин, приглашенный ромеями, сообщил о положении, сложившемся на Руси. Инициатива исходила от византийской стороны, и названное письмо следует рассматривать как встречное. Поводом для него послужило то, что митрополит всея Руси Киприан под давлением Василия I не включил в диптихи имя византийского императора для литургического поминовения в православных церквях. В Византии сменилось руководство. После кончины Иоанна У императорами стали Мануил II (с 16.02.1391 г.) в Константинополе и Иоанн УП, его племянник, в Силимврии. Баязид I Иллырым сразу усилил натиск на Балканы — захвачены Македония (кроме Фессалоник), города Скопле и Тырново. Василий I в то время добился заметных успехов — присоединил в 1392 г. Нижегородское и Муромское княжества и в том же году вступил в союз с Литвой. Он прервал эпистолярное общение с Византией и в своих речах препятствовал поминанию императорского имени. События в Великом Новгороде, упоминаемые в послании, невозможно идентифицировать с ситуацией 1397 г., что подтверждается также

письмом 1393 г. епископу Новгородскому Иоанну и новгородскому клиру. Упоминание о возвращении Киприана на митрополичью кафедру (1390 г.) и отсутствие каких-либо сведений об осаде Константинополя (началась весной 1394 г.) позволяют отсчитывать сентябрь-октябрь 1393 г. в качестве даты составления послания.

2. Сущность концепции и доводы византийской стороны. Послание Антония IV можно разделить на 8 частей: обращение к Василию I; о раздорах в церкви Руси и возвращении митрополита Киприана; о расприх и восстании в Великом Новгороде; о презрительном отношении Василия I к патриарху и его гонцам; доводы в пользу уважительного отношения к патриарху; о презрительном отношении Василия I к императору; о доводах Василия I в пользу такой позиции; аргументация Антония IV в защиту универсалистского характера императорской власти. Письмо следует рассматривать как общий ответ ромейских властей, что доказывается данными источника. 14 доводов Антония IV в пользу концепции универсального императора развернуты логично и последовательно. Подчеркнуто, что Василию I, как и всем предшествующим князьям, оказывается уважение с расчетом на взаимность. Патриарх провозглашается всеобщим учителем всех христиан, что признается аксиомой. Однако церковь и императорская власть неразделимы. В результате деятельности предшественников император занимает важное место в церкви. Народы неслучайно расположились вокруг императора и его страны. Император выступает в качестве государя всех христиан. В любой христианской местности упоминается имя императора, что отличает его от других правителей. Даже латиняне поминают императора. Он является самым преданным поборником церкви. Можно отвергать только императоров-еретиков, и если апостол Петр учил почитать даже нечестивого императора, тем более необходимо уважать благочестивого и правозерного. Являясь природным императором и повелителем обитаемого мира, византийский самодержец выступает как единственный в икумене всеобщий император. Тезис о неразрывности и универсальности империи и церкви обусловил состав и поведение посольства на Русь в 1393 г.

3. Пересмотр историографической оценки. Априорное скептическое отношение исследователей

к реальной значимости византийской концепции об икумене должно быть поставлено под сомнение. Ромейская доктрина в её кульминационном синопсисе была широко известна не только собственнo в Византийской империи, но и в дипломатическом мире Европы и Азии и целенаправленно поставлена на службу византийской дипломатии (послание мамлюкского султана Ашраф Сейф-ад-дин Барсбея; и др.). Даже после гибели Византийского государства концепция об икумене не померкла в глазах современников (письмо Михаила Эрмодора Критовула Мехмеду II, версия А; и др.). Неоднозначное восприятие как византийцами, так и современными исследователями системы взглядов на икумену не может перечеркнуть её значение в поддержании византийского общественного организма в экстремальной внешнеполитической ситуации.

Ю.Э.Соркин
Екатеринбург

ПИОНЕР ТЕМАТИЧЕСКОГО КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ МАРОК

Профессор, доктор исторических наук Михаил Яковлевич Сюзюмов (1893–1982) вошел в историю науки как глава уральской школы византиноведения, блестящий энциклопедист, оригинальный ученый. Но не все знают, что его имя связано и с мировой филателией; свое увлечение он подчинил основной своей профессии – историка.

Филателией Михаил Яковлевич занимался с детства, а глубоко заинтересовался в 20-е годы, когда преподавал историю в школе г.Златоуста: в почтовой марке он видел исторический документ и использовал их в качестве иллюстративного материала. Филателией он увлек и ребят школы: они стали отыскивать марки, отражающие события современности и истории. Под руководством М.Я.Сюзюмова был создан филателистический кружок, члены его стали собирать марки по разнообразным темам: "Мировая война", "Империализм и колонии", "Революция в Венгрии", "Финансовый крах в Германии", "Низшие стадии культуры", "История авиации", "Гражданская война в России", "Инфляция" и др. Так возникла идея тематического коллекционирования.

В журнале "Советский коллекционер", № 5, 1925 г. было опубликовано письмо членов кружка юных филателистов средней об-

разовательной школы 2-й ступени г.Златоуста - "Что и как собирать?". Это письмо было перепечатано затем во многих филателистических и молодежных журналах мира, получив название "Златоустовской платформы". Передовая статья журнала назвала выступление М.Я.Сюзюмова и членов его кружка юных филателистов "Октябром в филателии". Однако М.Я.Сюзюмов не был противником и классической хронологической филателии. Он был членом Международного и Всероссийского обществ филателистов (1925, 1926 гг.).

Переехав в 1929 г. в Свердловск, возглавив школу № 25 Пермской железной дороги, работая в школе № II, он не перестает заниматься филателией. В 20-х - 30-х годах он вел интенсивный заграничный обмен с филателистами и тем самым пополнял свою уникальную коллекцию марок. В связи с этим в 1935 г. ему инкриминировали нарушение монополии внешней торговли и контрабанду и репрессировали, спустя 9 месяцев он был освобожден и полностью реабилитирован. Но вся его коллекция марок, насчитывавшая более 130 тысяч, была изъята при аресте и безвозвратно исчезла. Среди этих марок было немало раритетов. Например, марки, "ходившие" в Париже во время Коммуны... В дальнейшем, он филателией занимался эпизодически, но это коллекционирование уже какого-либо филателистического или тематического интереса не представляло. Но он постоянно поддерживал и консультировал в вопросах филателии своего сына. В душе с филателией он никогда не расставался и одно время был членом Свердловского областного филателистического общества. В архиве последнего хранятся ряд документов филателиста № I Урала М.Я.Сюзюмова.

Принципы же "Златоустовской платформы" восторжествовали в советской филателии только в послевоенное время, а мировое признание она получила на Всемирной филателистической выставке - Прага-62.

В связи с исполняющимся 100-летием со дня рождения М.Я.Сюзюмова - пионера тематического коллекционирования марок - Свердловское Областное общество Союза филателистов России обратилось с ходатайством в Центр "Марка" об увековечении имени М.Я.Сюзюмова в маркированной продукции (конверт, марка, открытка с оригинальной маркой) и проведении спецгашения на Почтамтах г.Екатеринбурга и Златоуста.

ФРАНЦУЗСКАЯ ВИЗАНТИНИСТИКА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Французская византистика в XX в. прошла через существенные методологические метаморфозы. Работы Ш.Дюля "Основные проблемы византийской истории" и Л.Брейе "Византийский мир" подвели собой итог развития византийских исследований первой половины столетия и наметили основные направления дальнейшей работы. В этом скрывалось внутреннее противоречие: концепции авторов и предложенный ими путь исследования полностью относились к завершившемуся периоду, традиционно связываемому с позитивистски ориентированной историографией. Но в послевоенной французской византистике все сильнее начинает сказываться воздействие двух факторов, до того гораздо менее существенных: во-первых, растущая интернационализация византийских исследований; во-вторых, влияние специалистов по национальной истории, связанных с журналом "Annales". и распространение разрабатываемых ими приемов исследования.

Первый фактор требовал учета гораздо большего, чем раньше, количества разнообразных работ и концепций и вел к невозможности оформления национальной научной школы; по понятным причинам интернационализация византистики происходила гораздо быстрее, чем тот же процесс в отношении национальных историй современных развитых государств. Популярность работ в духе "Annales" и распространение их установок на антиковедение, национальные истории других стран подталкивали византистов к попыткам применить сходные методы к истории Византии.

Научный авторитет предшественников, разрозненность и неполнота источников сыграли, однако, консервирующую роль. Работы 50-х - 60-х гг. направлены прежде всего на "собираание" источников вокруг традиционно понимаемых сюжетов: аграрная, административная история, культура как совокупность отдельных видов деятельности и т.д., история отдельных областей империи по той же схеме. Синтетический характер исторического исследования проявлялся прежде всего по отношению к источникам: максимально возможное количество свидетельств собиралось во-

круг избранного факта (процесса) и систематизировалось по отношению к этому факту. Одновременно была предпринята, наряду с изданием источников, попытка создания корпуса *instrumenta studiorum* (коллекция "*Traité des études byzantines*"). Синтез при таком подходе не мог быть полным: византийский мир оказывался разделенным на несколько структур, существующих независимо друг от друга, либо связанных лишь внешне. Подобные тенденции, ярко проявившиеся в работах П.Ламерля, Э.Арвейлер, А.Бона и других, существенны и сегодня.

Параллельно с развитием описанной тенденции в 60-х - 70-х гг. возникает другая, опирающаяся на попытки извлечения из источников косвенной информации и максимального их использования. До этого основным стимулом (и возможностью) всестороннего анализа документов являлось несовпадение данных разных источников. Теперь же суммарная информация источников все реже отождествляется с самой исторической реальностью, появляются работы с сферах, получивших лишь косвенное отражение в дошедших данных (проблемы семьи, роли женщины, локальных этнических контактов и т.д.). Новый уровень синтеза открывает не только новые эвристические перспективы, но и меняет тематику и характер исследований: сознательная (т.е. культурная) деятельность человека, религиозная общность, социогеографический фон предстают в работах А.Дюсалье, А.Гижу, Э.Арвейлер, Ж.Дакрона не как отдельные "сферы", а как интегрирующие факторы, пронизывающие всю жизнь византийского общества. В том же направлении эволюционируют традиционные сюжеты: история экономики, социальных и административных структур, искусства и литературы.

В 80-х - начале 90-х гг. новая тенденция начинает преобладать. Это связано как с частичным завершением систематизации имеющихся источников, так и с разнородными влияниями, в том числе - работ византинистов других стран (Г.Хунгера, Д.Оболенского, А.Каждана, К.Манго и др.). Одним из проявлений этого процесса служит частое отремление свести исследование к комментарию источника - но к комментарию, не ограниченному ближайшим контекстом, а открытому всему многообразию конкретно-исторических связей. Одновременно повышается интерес к соотношению тех или иных структур и отражений их в сознании современников, - путь от "Византийского Константинополя" Р.Жанена

к "Воображаемому Константинополю" Ж.Дагрона представляется вполне естественным.

В.П.Степаненко
Екатеринбург

ПЕЧАТИ КОРОЛЕЙ ИЕРУСАЛИМА ИЗ СОБРАНИЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

Большинство печатей политических и религиозных деятелей государств Ближнего Востока хранится в отделе Востока Государственного Эрмитажа. Недавно Л.Климанов обнаружил в архиве института Русской истории в СПб. забытую часть коллекции Н.П.Лихачева, и в том числе печати крестоносцев.

В коллекции Эрмитажа хранятся две печати, приписанные второму королю Иерусалима Бодуэну I (1100-1118) (М-4530 и М-4531). Первая из них была издана В.С.Шандровской, вторая неопубликована. Типы изображений на л. и об. сторонах традиционны: король, сидящий на троне в полном орнаменте с инсигниями власти, и изображение Св. Града, представленного своими святынями - ц. Гроба, Башней Давида и Куполом Скалы. Данный тип изображений был присущ печатям всех королей и королев Иерусалима, в том числе и пяти Бодуэнов. Атрибуция печатей последних представляет существенные трудности уже в силу крайней малочисленности дошедших до нас экземпляров. Предпринявший в начале века систематизацию материала Г.Шлимберге приписал печати, сходные с эрмитажными, Бодуэну I на основании рисунка с погибшей печати при хартии короля от 1115 г. Ему были известны экземпляры в Берлине и Париже, к сожалению, не воспроизведенные в его труде. Как следствие, и эрмитажные печати были приписаны Бодуэну I, хотя известные сомнения в достоверности атрибуции остаются. Оба экземпляра - литые копии XIX в., сделанные с одного неизвестного оригинала. В пользу этого свидетельствует и тождество повреждений поверхности. По-видимому, такой же копией, сделанной в подвергшейся большому износу форме, является экземпляр из Национального музея в Варшаве. Еще один экземпляр, тождественный предыдущим, хранится в собрании Н.П.Лихачева. Но его полная аналогия, печать из частного собрания в Швейцарии, была издана А.Спайером как подлинник. На наш

взгляд, обе печати являются литыми копиями XIX в., сделанными с того же экземпляра, что и эрмитажные. В пользу этого свидетельствует и тождество повреждений. К тому же при отливке данных печатей матрицы были проработаны резцом и, следовательно, речь должна идти не о копиях, а о фальсификатах, хотя надписи и не пострадали.

Наиболее интересен последний экземпляр печати из собрания Н.П.Лихачева с именем Бодуэна. При сохранении традиционного типа надписей и изображений, он обладает рядом индивидуальных особенностей, что не дает возможности уверенно приписать его конкретному королю. Это может быть как Бодуэн I, так и, что более вероятно, Бодуэн III, так как данная печать довольно близка к экземпляру, опубликованному Г.Шлёмберже по рисунку и хранившемуся в архиве Палермо при хартии короля 1150 г. Стилистически экземпляр из собрания Н.П.Лихачева весьма далек от рисунка печати Бодуэна I, изданного Г.Шлёмберже. Но так же далека от него и приписанная Ж.Ивоном тому же королю печать прекрасной сохранности, найденная в Маркате-Мараклее. В настоящее время трудно сказать, имеем ли мы дело с индивидуальными особенностями различных матриц печатей одного короля или же, при стандартизации надписей и изображений на них, с особенностями, присущими печатям различных королей Иерусалима, среди которых было пять Бодуэнов. По ряду особенностей, присущих печатям Бодуэна II, Бодуэна IV и Бодуэна V, выделенных Г.Шлёмберже, они не могут быть владельцами экземпляра из коллекции Н.П.Лихачева. Следовательно, остается выбирать между Бодуэном I и Бодуэном III. На наш взгляд, печать может быть приписана последнему, но окончательно это можно будет установить при появлении экземпляра, чеканенного той же парой матриц, но лучшей сохранности.

Е.В.Степанова
С.-Петербург

ЭКЗАРХ "КНИГИ ЭПАРХА" ПО ДАННЫМ СЕФАГИСТИКИ

На страницах византийской "Книги епарха" не раз упоминается должность экзарха. Однако сведения, сообщаемые источником, очень скудны: известно, что экзархи являлись старшинами ремес-

ленных корпораций метаксопратов и прандиопратов, одних из наиболее важных в Константинополе, что на этот пост они назначались епархом города, хотя, возможно, в число его администрации не входили. Имена этих чиновников фигурируют и в ряде других источников (Трактат Филофея, *Constantini Porphyrogeneti De ceremoniis* и т.д.).

В этот круг источников могут быть включены и сфрагистические памятники — неопубликованные печати и тессеры, датированные X—XI вв., которые хранятся в коллекции Дамбартон Оуко (Вашингтон).

П е ч а т и:

1. Л.с. Богоматерь Одигитрия погрудно с младенцем Христом на правой руке.

О.с. Николая, протоспафария, *ἐπὶ τοῦ χρυσोटριχλίου*.
хартулария и экзарха.

2. Л.с. Богоматерь Знамение в рост.

О.с. Господи, помоги Симеону, ипату и экзарху.

3. Л.с. Богоматерь с младенцем Христом в медальоне на груди.

О.с. Господи, помоги Георгию, протоспафарию и экзарху.

(Три экземпляра одной матрицы)

Т е с с е р ы:

1. Л. и о.с. Господи, помоги рабу твоему Иоанну Мосху, патрикию, судье вила и экзарху.

(Четыре экземпляра одной матрицы)

2. Л. и о.с. Богородица, помоги рабу твоему Иоанну Мосху, спафарию (или протоспафарию), дисипату, судье вила и экзарху.

Обе группы жетонов принадлежали одному человеку — Иоанну Мосху (имеются печати и других представителей этого рода).

На основании данного сфрагистического материала можно сделать ряд заключений:

В иерархической лестнице экзархи, вероятно, занимали достаточно высокое положение (*πρωτοπατρίος, πατρίκιος*).

По крайней мере, некоторые из экзархов были причастны к дворцовой службе (*ἐπὶ τοῦ χρυσोटριχλίου, κριτὴς τοῦ βήλου*).

Наличие тессер свидетельствует о том, что экзархи занимались благотворительной деятельностью.

СВЕДЕНИЯ ПЕЧАТЕЙ О ТОРГОВЫХ СВЯЗЯХ СУГДЕИ
В УП-УШ вв.

История и культура раннесредневековой Сугдеи (Судака) еще мало освещена в научной литературе из-за скудости письменных источников и ограниченного числа памятников материальной культуры этого периода. Тем большее значение приобретают находки византийских печатей, обнаруженные во время подводных работ Судакской археологической экспедицией под руководством И.А.Баранова.

Ограниченность площади находки и ее компактность позволяют говорить об открытии первого в Крыму архива свинцовых подвесных булл. Найдено более 400 предметов: печати с крестообразными монограммами, крестами, надписями, изображениями. Особую группу составляют печати, связанные с таможенной службой.

Весьма продолжительное нахождение печатей в воде не могло не сказаться на их сохранности: они покрылись плотной коррозией и, несмотря на реставрацию, с трудом поддаются чтению и определению. От изображений и надписей во многих случаях остались лишь следы. Предпринята попытка реконструкции надписей (легенд).

Из четырех печатей рассматриваемой группы две принадлежат коммеркиариям, одна - главному логофету и одна - императорским коммеркиям. Легенды печатей содержат топонимические указания, позволяющие установить те регионы, с которыми осуществляла торговые связи Сугдея.

Один из моливдовулов называет Анастасия, ипата, императорского валнитора и главного коммеркиария таможни (апотеки) Онориады, Пафлагонии и побережья Понта. При рассмотрении этой печати проводится сопоставление с другими печатями, носящими то же имя, в частности, с печатью, опубликованной Н.П.Лихачевым, данные которой дают более расширенный перечень епархий. Пересмотр датировки издателя на основе новой классификации, предложенной Г.Заком и А.Веглери в 1972 г. Судакский моливдовул датирован временем правления Льва III и Константина V (720-741).

Вторая печать указывает неизвестного прежде коммеркиария. Это Иоанн, ипат и главный коммеркиарий таможи Онориады, Пафлагонии и побережья Понта. Датирована 720-741 гг.

Индикты на названных судакских печатях не указаны, препятствуя точной хронологической атрибуции.

Владельцем третьей печати выступает Кириак, апоипат и главный логофет объединенной фемы, в которую входит Константинополь в сочетании с епархиями, названия которых из-за сохранности печати не удалось восстановить (сохранились лишь отдельные буквы).

Печати Кириака с изображением на лицевой стороне стоящего императора, круговой надписью, заключающей имя владельца, указанием индикта известны, однако при общности лицевых сторон, оборотные стороны разнятся по содержанию. Дано сравнение легенд печатей, указывающих названия различных таможен. На основании изображения императора Тиберия III и индикта IO печать отнесена к 696/97 г.

Четвертая печать сообщает об императорских коммерческих епархиях богоохранимого императорского Опсикия. Индикт I4 - времени правления Константина V (745-746). По сравнению с предыдущими печатями эта булла сообщает уже известные данные, о чем свидетельствует фрагмент аналогичной печати, изданной Г.Закопом и А.Веглери.

Находки византийских таможенных печатей позволяют говорить о существовании таможи в Сугдее, этом наиболее значительном порте Византии в Северном Причерноморье. Сведения печатей очень важны не только для самой Сугдеи в плане раскрытия её торговых взаимоотношений с Малой Азией в первой половине VIII в., но и для выяснения судьбы византийских таможен в Малой Азии в это время.

Свидетельством большого значения являются торговые контакты с Константинополем и теми епархиями, которые входили с ним в одну таможню уже в конце VII в.

ЛООСКИЙ ХРАМ

Сложная картина политических и культурных связей, этническая история Северного Кавказа отчасти отразилась в памятниках материальной культуры данного региона. Ряд из них на протяжении длительного периода является объектом внимания исследователей. К их числу относится культовый комплекс на вершине холма, расположенного на расстоянии около двух километров от берега Черного моря (поселок Лоо Сочинского района, территории пансионата "Магадан"). Памятник был открыт и впервые описан во 2-ой половине XIX в., упоминается в работах современных исследователей (Ю.Н.Воронов), а в 1987 г. стал объектом раскопок экспедиции Уральского университета (Б.Б.Овчинникова, А.И.Романчук).

Храм в поселке Лоо относится к числу трехнефных, трехапсидных, вероятно, купольных сооружений. В его строительстве прослеживается влияние провинциальной архитектурной традиции Византии: план сооружения, наличие облицовки внешней стороны стен, имитирующей блоки. Локальные особенности проявились прежде всего в использовании местного строительного материала.

Храм имеет длину в 21,0 м, ширину - 12,25 м при толщине стен в 1,10 м. Центральный неф от боковых отделялся колоннадой - открыты базы шести столбов прямоугольной формы. Вместе с пилястрами, выступающими из массива стен храма, они входили в конструкцию свода. Для освещения сооружения использовались узкие оконные проемы с арочным обрамлением. По линии хорды центральной апсиды располагалась предалтарная преграда. Стены внутри храма были оштукатурены.

С внешней стороны храма около южного и западного входов сохранились остатки строительных конструкций, вплотную примыкающих к его стенам.

В результате изучения памятника удалось открыть погребения как на территории самого храма, так и за пределами его с южной стороны. Они относятся к различным периодам функционирования комплекса. Большая часть их представлена безинвентарными могилами, в которых погребенный покоился вытянуто на

спине, головой на запад. Встречен незначительный погребальный инвентарь: височное кольцо, стеклянные бусины, медные браслеты, бронзовая пряжка, железный нож.

В целом археологический материал, полученный в ходе раскопок храма, отличается фрагментарностью и невыразительностью: это обломки черепицы, пифосов и амфор, большинство которых использовалось как строительный материал в забутовке стен и арочном оформлении. Интерес представляют фрагменты стекла, которые по определению В.А.Галибина датируются в диапазоне X-XIV вв. Встречена и глазурованная посуда. К сожалению, этот материал лишь частично позволяет определить время функционирования Лооского храма, который согласно пропорциям и оформлению фасадов, на наш взгляд, входит в число культовых построек провинциальной византийской архитектуры. Следует отметить, что Лооский храм неоднократно подвергался перестройке и достройке, а после его разрушения памятник выполнял функции уже не культового характера, а крепости, о чем свидетельствует закладка дверных проемов с юга и с запада, а также наличие вещей, встреченных в процессе раскопок: каменных ядер, гильз, железных предметов XVI-XVII вв. Неслучайно, видимо, на этнографических картах Причерноморья XIX в. он обозначен как развалины крепости.

А.В.Сазанов
Москва

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ ВИЗАНТИЙСКОГО ГОРОДА (проблемы образования)

Лишь в последнее время стали появляться работы, затрагивающие проблему формирования культурного слоя на византийских памятниках Причерноморья (Романчук, 1992; Романчук, Шеглов, 1993). Основная идея этих работ – совершенно закономерная попытка приложения теории формирования античного культурного слоя (В.Д.Блаватский) к слою византийских городов. Вместе с тем следует учитывать то, что теория античного культурного слоя фактически мало разрабатывалась со времен В.Д.Блаватского и сама требует сильной корректировки (Алексеева, 1991).

В настоящее время можно выделить следующие типы слоев на византийских памятниках Причерноморья:

1. Слои времени разрушения (гибели) жилых построек, лежащие непосредственно под завалом стен на полу погибших помещений. Эти слои отражают время гибели комплексов, и дата гибели определяется сочетанием циклов всех вещей, в них найденных. Эти слои по степени представленности наиболее выразительны.

2. Слои времени функционирования построек. Они представлены материалами с улиц, из дворов и пифосов, отражают время функционирования комплексов. Аналогичные слои представлены в цистернах при условии их неединовременной засыпки и зольниках, располагавшихся обычно неподалеку от стен крепостей и поселений. Дата определяется по промежутку между временем наиболее многочисленных в данном комплексе вещей и наиболее поздними вещами.

3. Слои времени строительства. В Херсонесе они представлены комплексами, содержащими следы строительных стасов камня, характеризующих время сооружения базилик.

4. Слои, предшествующие сооружению той или иной постройки. Это обычно слои, лежащие под полом того или иного помещения и дающие "терминус пост квем" сооружения построек.

Основная беда, связанная с плохим на сегодняшний день состоянием хронологизации византийских памятников, заключается в игнорировании большинством исследователей характера образования слоя и как следствие крайне растянутые даты типа "У-УІ" вв. н.э. или IX-X вв. н.э., в то время как применение теории слоя дает возможность для принципиального сужения датировок. Как показали исследования последних лет, для комплексов УІ в. Херсонеса, если учитывать принципы формирования слоя, возможна дробная хронологизация по периодам: конец УІ - начало УІІ в., 610-630 гг., 650-670 гг.

Кроме того, представляется необходимой полная фиксация всей керамики из слоев по единой системе с указанием процентного соотношения тех или иных типов. В качестве примера можно привести работы французской ассоциации "Позднеантичная и раннесредневековая керамика", созданной в Провансе и разработавшей соответствующие таблицы статистики керамики по фрагментам. При этом данные таблицы публикуются полностью в статьях при описании того или иного слоя (М.Бонифе).

Аналогичная работа была проведена автором на исследованных им комплексах Боспора и Херсонеса.

Только на основании учета теории формирования слоя и полной фиксации и публикации керамических комплексов можно делать серьезные исторические выводы. Пока же отсутствие таких работ с полной и объективной фиксацией комплексов приводит к досадным недоразумениям в исторических выводах, делаемых историками без проверки археологических материалов.

Рождаются целые концепции истории византийских городов, основанные на непроверенных археологических материалах.

А.В.Сазанов, В.Г.Ченцова
Москва

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ХЕРСОНА В XIII в.: АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ И ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ

При изучении истории Херсона XIII в. исследователи сталкиваются с проблемами определения хронологии слоев и соответствия фактов, известных по свидетельствам письменных источников с существующей археологической картиной жизни города. Наиболее сложным является вопрос о хронологизации комплексов XIII в. и их отчленения от комплексов XIV в., а также о датировке слоев разрушений, относимых к XIII-XIV вв. А.Л.Якобсон полагал, что вражеские нападения XIII в. не затрагивали Херсон до 1299 г., когда город был взят войском Ногай. Но недавно эта точка зрения была подвергнута сомнению Н.М.Богдановой, сделавшей на основе новой интерпретации сообщений письменных источников вывод о взятии Херсона в 1223 г. сельджуками. Решение вопроса о том, кто и когда захватывал Херсон, с нашей точки зрения, может быть найдено путем сопоставления археологического материала (датировки комплексов XIII в.) и письменных источников.

Вывод о том, что войско сельджуков, возглавляемое эмиром Чобаном, после захвата Судака, о котором сообщает Ибн Биби, дошло до Херсона, а также датировка этого похода 1222-1223 г. были сделаны Н.М.Богдановой по данным "Аланского послания" епископа Феодора. Она отождествила эмира Чобана с неким Цаманом, который, как известно из послания, преследовал направившегося из Никеи к своей кафедре епископа и его спутников.

оказавшихся в Херсоне. Наши выводы, сделанные на основании анализа данного источника, сводятся к следующему:

1. Предположение о продвижении войска сельджуков к Херсону после покорения Судака вызывает сомнения, т.к. Трапезунд и султанат в это время были в мирных отношениях. Контекст "Аланского послания" в ряде случаев заставляет усомниться в предложенной идентификации Цамана-Чобана.

2. Поход Чобана (по А.Ю.Якубовскому) произошел до нападения на Судак татар в январе 1223 г. М.Нистазопулу доказала, что 4/I-1223 г. епископ Феодор Аланский еще был в Никее. Но в январе навигация по Черному морю, как правило, не осуществлялась, поэтому предположение, что он достиг берегов Крыма после 4 января и до 23 января, маловероятно.

3. Перенос датировки поездки епископа Феодора к кафедре противоречил бы указанию в послании на нападение "скифов" (под которыми исследователи подразумевали татар) на Боспор в "середине зимы". Считалось, что это указание соответствует сообщению заметки Сурожского Синаксаря о появлении татар у Судака как раз в январе 1223 г. Мы предполагаем, однако, что данные "Аланского послания" о "скифах" относятся не к татарам, а к половцам. Это позволяет изменить датировку путешествия епископа Феодора, которое состоялось, по нашему мнению, не ранее весны 1226 г., т.к. известно, что в феврале 1226 г. Феодор Аланский присутствовал на заседании Синода в Никее.

4. Намеки в послании то на враждебные действия некоего "истребителя", имеющего восточный (лазский?) антропоним "Цаман", то на деятельность самозванного епископа - "лаза" позволяют предположить, что речь идет о каких-то представителях Трапезунда (неслучайно Георгий Пахимер именовал трапезундского императора "архонтом лазов"). Вероятно, факты гонений на прибывших из Никей архиепископов в Херсоне и на Боспоре можно объяснить острыми противоречиями Трапезундской и Никейской империи в это время. Свидетельства "Аланского послания" не дают оснований для вывода о захвате города сельджуками в 1223 г.

Для установления времени разрушения Херсона по археологическим данным был разработан список признаков, включающий 47 датированных предметов, и составлена корреляция комплексов, датированных XIII-XIV вв. В результате были получены комплексы

XIII в., в которых прослеживаются следы разрушения города. Датировка разрушения по корреляции признаков приходится на последнюю треть XIII в., что позволяет связать оставивший реальные следы разгром Херсона с походом Ногай.

А.В.Лямин
Екатеринбург

А.Л.БЕРТЬЕ-ДЕЛАГАРД ОБ ИСТОРИИ ХРИСТИАНСТВА
В КРЫМУ

Одним из тех, кто стоял у истоков изучения истории Херсона и в целом Крыма, был военный инженер и археолог-любитель А.Л.Бертье-Делагард, творчество которого приходится на конец XIX – начало XX вв. Празднование юбилея крещения Руси явилось одной из причин пристального внимания к памятникам и истории средневековой Таврики. Поэтому закономерно, что одной из центральных проблем исследований ученого оказались история христианства и анализ событий, связанных с Корсунским походом князя Владимира.

Анализируя данные раскопок и используя сведения письменных источников, А.Л.Бертье-Делагард отмечал, что массовое строительство культовых комплексов в Херсоне, относящееся к VI веку, следует объяснить значением этого города в распространении христианства в Таврике. А сам факт массового строительства храмов является свидетельством усиления византийского влияния в данном регионе. Вместе с тем, считал исследователь, язычество сохраняло свои позиции среди херсонитов и в более поздний период. Рассматривая границы епархий поздневизантийского периода, А.Л.Бертье-Делагард отметил их совпадение с возникшим к этому периоду политическим делением Таврики.

Одним из спорных в историографии был и остается вопрос о времени Корсунского похода князя Владимира и его влияния на экономическую жизнь Херсона. А.Л.Бертье-Делагард, отдавая предпочтение летописным данным, относил это событие к 988 г., в отличие от выводов В.Г.Васильевского, В.Р.Розена, Е.В.Голубинского, которые на основании свидетельств византийских и

восточных авторов пришли к выводу о том, что город был взят в 989 г. До настоящего времени эта проблема вызывает дискуссии (О.М.Рапов, Н.М.Богданова).

Не существует и однозначного мнения относительно последствий этого события для Херсона. Ряд последующих исследователей (А.Л.Якобсон, В.Д.Балов, Д.Л.Талис) считали, что город в значительной степени был разрушен и долго не мог оправиться после событий конца X в. Основанием для таких выводов служили выявленные слои разрушения, образование которых относили к концу X в. Археологические исследования последних лет и анализ нумизматических находок показали, что данные слои следует датировать скорее всего не ранее начала XI в. Данное обстоятельство подтверждает наблюдения А.Л.Бартъе-Далагарда о том, что Владимир не был заинтересован в разгроме и опустошении Херсона.

Необходимо отметить, что в свете современных археологических данных отдельные выводы исследователя были уточнены, в частности, вопрос о времени и причинах возникновения пещерных монастырей в юго-западной части Таурики. Иначе, чем у А.Л. Бартъе-Далагарда, оценивается в настоящее время и значение Херсона в поздневизантийский период.

А.С.Мохов
Екатеринбург

К ЭВОЛЮЦИИ СТРУКТУРЫ БАЛКАНСКИХ ФЕМ ВИЗАНТИИ В 50-60-х гг. XI в.

Обстановка, сложившаяся на границах Византийской империи в середине 40-х гг. XI в. была напряженной. Византийская армия с 1045 г. вела безрезультатную войну с эмиром Двина Шаддадидом Абу-л-Асваром. С 1047 г. начинаются набеги сельджуков на закавказские фемы. Появление в 1047/48 г. печенегов на Балканах вынудило Византию вести войну на два фронта.

Противостоять печенегам должны были контингенты западных фем (Паристрион, Болгария, Адрианополь и др.) и императорская армия.

Основой византийской обороны на Дунае являлась тема Па-

ристрион, где располагались многочисленные крепости; и сама река служила серьезным препятствием для нападавших. О значении фемы Паристрион в системе обороны империи свидетельствуют высокие звания и титулы ее правителей.

Во время первого вторжения печенегов в 1048 г. византийская армия одержала легкую победу (на помощь контингентам Паристриона пришли отряды из Болгарии и Адрианополя, наёмники). Победенных печенегов расселили на территории балканских фем; их отряды направлялись на Восток в помощь византийской армии, противостоявшей сельджукам. По пути эти отряды восстали и повернули назад, в районы расселения их соплеменников.

Это стало началом длительной войны на Балканах. Печенеги были размещены во внутренних тыловых фемах Византии, где развернулись боевые действия. Такая ситуация оказалась совершенно неожиданной для императорского двора и верхушки византийской армии. Подавлять восстание пришлось не на территории пограничных фем, где были сосредоточены боеспособные военные части и находилась система оборонительных сооружений. Кроме того, пограничные фемы состояли из небольших территориальных образований, которые включали в себя, как правило, крепость с округой, имели самостоятельный военный отряд и стратега (т.н. "армянская фема"). Такая структура пограничных катепанатов была эффективна для обороны границ.

Тыловые фемы Византии не имели подобной структуры и большого количества оборонительных сооружений, а военные контингенты собирались нерегулярно.

В данной обстановке в 1049-1050 гг. византийцы потерпели два сокрушительных поражения: при Ямболе и Диакее. В результате был утрачен контроль над большей частью Болгарии (характерно, что в Паристрионе византийская администрация сохранилась).

Летом 1050 г. обстановка изменилась. Теперь боевые действия велись на старой византино-болгарской границе (до 1018 г.). Византийская армия оказалась в более привычной обстановке (многочисленные крепости, хорошие дороги, греческое население). Несмотря на поражение греков под стенами Адрианополя, печенегам не удалось захватить город и прорваться в Македонию.

Опираясь на систему крепостей старой болгарской границы, византийцы отразили осенью 1050 г. набег на пригороды Констан-

тинополя, а в 1051-1053 гг. несколько раз разгромили печенегов, заняв ряд важных городов Болгарии и оттеснив противника к Дунаю.

Одновременно с продвижением византийских войск на север во внутренних районах Болгарии восстанавливается администрация, о чем свидетельствуют названия печатей должностных лиц.

После этого даже серьезное поражение армии пронаита Болгарии Василия Монаха под Преславой в 1053 г. не привело к столь же катастрофическим последствиям, как поражение при Ямболе и Дняеве. Именно восстановление феодальной структуры в сочетании с усилиями византийской дипломатии позволило империи эффективно противостоять печенегам вплоть до 1059 г., когда Исаак I Комнин разгромил войска хана Олте и восстановил дунайскую границу.

Возможно, что опыт войн с печенегами 1048-1053 гг. и нестабильная обстановка на западных границах империи стали причиной восстановления в 50-60 гг. XI в. нескольких небольших фем в составе Болгарии (Сердика, Берос и др.).

К ВОПРОСУ О ДЕНАЛЕКЕ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ
РАННЕВИЗАНТИЙСКОГО ГОРОДА

Византия относится к типу европейских средневековых обществ с мощной античной традицией. Для нее была характерна большая роль городов в эпоху раннего средневековья, что накладывало отпечаток на дальнейшее развитие византийского города. У истоков городского развития средневековой Византии находится ранневизантийский город IV-VI вв. До недавнего времени было принято считать, что ранневизантийский город просто перешел в "средневизантийскую" эпоху, поэтому в какой-то мере переоценивалось влияние ранневизантийских условий и традиций. Археологический материал последних десятилетий позволил внести существенные изменения в эти традиционные представления и рассмотреть несколько по-новому некоторые свидетельства письменных источников. В результате этого упадок городской жизни в VII - середине IX вв. предстал более глубоким и всеобъемлющим. Все это требует и более тщательного изучения динамики социальной структуры городского населения, реальной оценки соотношения его различных социальных групп. В целом, вероятно, можно говорить о следующих характерных изменениях в социальной структуре городского населения:

1) Аграризация городов, сохранение в них значительного населения идет от устойчивой ранневизантийской традиции, для которой был характерен византийский тип полиса - "агрогорода". Город перестал быть местом концентрации большинства главных земельных собственников округа, и все же с падением значения торгово-ремесленной деятельности в нем значительный процент составляло землевладельческо-земледельческое население, более близкое к крестьянскому типу.

2) Важная перемена в городе, по сравнению с ранневизантийским периодом, выразилась в сокращении городского ремесленного населения. Город все больше становился аграрно-торговым поселением, на что обратил внимание М.Я.Сюзюмов.

3) Существенные изменения произошли в составе городской верхушки. Тезис о том, что на смену прежней старой муниципальной

ной аристократии пришла многочисленная чиновная бюрократия и, следовательно, в связи с этим в жизни города мало что изменилось, нуждается в дополнительной аргументации. Ранневизантийская знать вся была городской, и в этом смысле многочисленная ранневизантийская бюрократия была в какой-то мере порождением полисных структур и связанных с ними форм позднеантичной государственности. Разложение последних привело, несомненно, к резкому сокращению бюрократического аппарата на местах, что существенно изменило картину социальных отношений особенно в небольших городах. Бросается в глаза немногочисленность, недифференцированность той высшей прослойки, которую можно характеризовать как городскую верхушку, а также и иное, по сравнению с ранневизантийским периодом, ее имущественное положение: оно стало значительно более скромным — уменьшилось городское хозяйство, количество слуг и рабов в городе, сократилось и денежное богатство.

4) Вероятно, нуждается в некоторой корректировке и положение о том, что с переходом от ранней Византии возрастало значение военного населения городов, что в какой-то мере компенсировало убыль старой городской знати и поддерживало города и городскую жизнь. Военная верхушка в жизни города VIII—IX вв. по сравнению с предыдущей эпохой играла относительно большую с другими группами роль, но переоценивать ее значение в поддержании городской жизни для VIII — середины IX вв. не приходится. Для ранневизантийской эпохи были характерны: концентрация армии в городах, постоянное проживание в них командиров, ветеранов, стремление государства расселять последних по городам — все это делало удельный вес военного сословия в жизни ранневизантийского города все более весомым. Повидимому, его роль сделалась значительно меньшей с переходом к феальному войску. Переход к феальной организации способствовал не поддержанию, а внутреннему упадку городов в VIII — середине IX вв.

5) Заслуживает критического отношения и тезис о том, что византийские города VII—IX вв. поддерживало и их возмставшее значение как центров религиозной жизни, центров епархий. Оно возрастало относительно с другими значениями города, что и зафиксировано в овидетельствах о роли клира. Тезис о непрерывном росте в VII в. монашества, в том числе и в городах, ныне справедливо ставится под сомнение. Доказано, что в IV—VI вв.

интенсивно росли городские монастыри, но затем число их заметно сокращается. В еще большей мере это может быть отнесено к росту численности городского клира, богатству церкви. Стремительный рост как городского клира, так и городского монашества в IV-VI вв. был в известной мере специфически ранневизантийским явлением.

6) Положение о существовании каждого города как центра культуры также нельзя абсолютизировать. Для IV-VI вв. мы действительно имеем достаточно мощный в каждом городе слой светской городской интеллигенции. В VII в. для рядового города он практически исчезает как таковой. Его функции перешли к клиру, но были не просто унаследованы им, а значительно сужены. Все вышесказанное, на наш взгляд, подчеркивает некоторые особенности социальной структуры ранневизантийского города, присущие именно этой эпохе, но не оказавшие столь прямого и непосредственного влияния на социальные отношения города последующего времени, как это иногда принято считать.

Г.Л.Курбатов
С.-Петербург

МОНАСТЫРЬ И ГОРОД В ВИЗАНТИИ В VII в.

Традиционным и широко распространенным является представление о непрерывном и стремительном росте монастырей и монастырского землевладения в Византии, начиная с IV столетия, которое приняло "драматические" размеры во второй половине VII. Современные исследователи подчеркивают ряд особенностей этого процесса в V-VI вв. Прежде всего, это быстрый и, возможно, опережающий рост числа городских и пригородных монастырей. Во-вторых, это оценка соотношения темпов и масштабов развития церковного и монастырского землевладения. Осуществленный в последние годы "пересмотр" особенностей эволюции византийского монашества (А.Пападакис и др.) лишь подтверждает правильность вывода о том, что в IV-VI вв. преобладающими темпами росло церковное, а не монастырское землевладение. В отличие от церкви, для монастырей и монашества не была характерна столь же активная тяга к обзаведению собственными земельными владениями, развитию активной хозяйственной деятельности, чем; отчас-

ти, объясняется фактом высокой и не спадавшей "подвижности" ранневизантийского монашества. Законодательство Юстиниана в какой-то мере подтверждает, что "василианская модель" в эту эпоху еще не стала основой организации большинства монастырей. Произведенные В.Руджери подсчеты динамики византийских монастырей с конца VI по начало IX вв. проливают, на наш взгляд, определенный свет на взаимосвязь развития города и монастыря. Им, впервые, были учтены все имеющиеся в настоящее время данные всех видов источников об основании и строительстве новых монастырей на территории Византии в этот период. Хотя им были учтены только четко датируемые определенными отрезками времени данные, и, соответственно, картина неполна, масштабы проделанной работы достаточно репрезентативны. По этим подсчетам апогей основания новых монастырей приходится на конец VI – начало VII вв., затем спад и некоторое оживление при Ираклии и очень невысокие размеры во второй половине VII, отнюдь не подтверждающие общепринятую точку зрения. Новый и стремительный подъем их основания приходится на VIII в. Сопоставление этих выводов с данными о внутреннем развитии города и общества позволяет подчеркнуть следующее:

I. Нарастающее умножение числа монастырей в ранневизантийскую эпоху было неразрывно связано с разложением позднеантичного города.

II. В течение определенного времени существовала прямая зависимость развития монастырей от состояния города. Упадок городов в VII в. прямо отразился на развитии монастырей. Вторая половина VII в. – не время их "драматического" умножения, а несомненной стагнации, что подчеркивает известный разрыв между основами роста монастырей в IV–VI вв. и последующего времени.

III. Все вышеизложенное подчеркивает роль "городского потенциала" – богатых собственников и наличия массы горожан как важнейшей основы быстрого умножения монастырей в V–VI вв., как и его ослабления – в существенном замедлении этого процесса во второй половине VII в.

IV. Ограниченные масштабы роста монастырского землевладения, стремления к расширению собственной хозяйственной деятельности монастырей в ранневизантийскую эпоху также, в немалой степени, объясняются этим обстоятельством: монашество мог-

ло в немалой степени осуществать за счет прямых дарений и "отчислений" части прямых доходов богатых собственников. Монастырь почти всю эту эпоху не выступал "конкурентом" города и горожан и в сфере ремесленного производства. Скорее, наоборот, спрос монастырей в известной мере его поддерживал, как заказами самих богатых светских жертвователей, так и возможностью приобретать необходимые продукты и изделия на городском рынке, причем в условиях упадка города и обеднения его торгово-ремесленного населения, на все более выгодных для монастыря условиях. Как мы видим, в эту эпоху не были столь сильны, как для последующих столетий, стимулы развития их собственной хозяйственной деятельности. Отчасти, вероятно, эти обстоятельства, особенно благоприятные условия для высочайшей религиозно-духовной активности массы монашества в VI-начале VII вв.

Оргкомитет Научных чтений, посвященных столетию со дня рождения профессора М.Я.Свяжова, благодарит дирекцию предприятия "РИМ" за помощь в выпуске данных тезисов.

Тех.ред. Вавуленко М.И.

Подписано в печ. 15 04 93. Формат 60 х 84/16
Бумага писчая Объем Тир. 100 Зак. № 488
Екатеринбург, К-83, пр.Ленина, 51. Типолаборатория УрГУ.

Авторы докладов

	Стр.
Бармина Н. И.	3
BEYER Hans-Veit	5
Вин Ю. Я.	7
Герд А. А.	9
Гурулева В. В.	11
Зубарь В. М.	12
Кирилко В. П.	14
Козлов А. С.	16
Крамаровский М. Г.	18
Курбатов Г. А.	55
Лебедева Г. Е.	53
Любарский Я. Н.	21
Лямин А. В.	49
Малахов С. Н.	22
Медведев И. П.	24
Мохов А. С.	50
Нуждин О. И.	27
Овчинникова Б. Б.	44
Поляковская М. А.	29
Романчук А. И.	31
Сазанов А. В.	45
Сазанов А. В., Ченцова В. Г.	47
Сметанин В. А.	33
Соркин Ю. Э.	35
Старцев Я. Ю.	37
Степаненко В. П.	39
Степанова Е. В.	40
Шандровская В. С.	42